

Юридическая психология

№ 1 / 2017

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ

ЗАРЕГИСТРИРОВАНО В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ
МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ. Рег. ПИ № ФС77-29367 от 23.08.2007 г.

Издается с 2006 г. Периодичность — 2 раза в полугодие

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Издательская группа «Юрист»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Белых-Силаев Д.В.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Полковников Р.М.

ПОМОЩНИКИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Воронин Д.В., Еремин Н.П., Коломойцев М.М.,
Супрун В.Н., Фролов В.А., Юрасов Н.Н.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Багмет А.М., к.ю.н.

Балашов Н.М., к.ю.н., проф.

Вехов В.Б., д.ю.н., проф.

Георгадзе М.С., д.псх.н.

Германов Г.Н., д.п.н., проф.

Горленко В.В., д.в.н., к.ф.н., проф.

Гурьянов Ю.Н., д.псх.н., проф.

Дмитриев И.В., к.псх.н.

Дворянчиков Н.В., к.псх.н.

Дозорцева Е.Г., д.псх.н., проф.

Дьячук И.А., к.соц.н., доц.

Зинченко Ю.П., д.псх.н., проф.

Иванков Ч.Т., д.п.н., проф.

Караяни А.Г., д.псх.н., проф.

Кекелидзе З.И., д.м.н., проф.

Ковалев О.Г., д.ю.н., проф.

Кокурин А.В., к.псх.н., доц.

Котенев И.О., к.псх.н., доц.

Маликов С.В., д.ю.н., проф.

Марченков В.И., д.п.н., проф.

Мишуткин И.В., к.ю.н.

Можгинский Ю.Б., д.м.н.

Мягих Н.И., к.псх.н.

Пашин С.А., к.ю.н., проф.

Попов Д.Г., к.п.н.

Простяков В.В., к.псх.н., доц.

Родионов В.А., д.п.н., проф.

Сафуанов Ф.С., д.псх.н., проф.

Селиверстов В.И., д.ю.н., проф.

Столяренко А.М., д.псх.н., проф.

Холодный Ю.И., д.ю.н., проф.

Цветков Ю.А., к.ю.н.

Эминов В.Э., д.ю.н., проф.

Яковлев В.Ф., д.м.н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

РЕДАКЦИЯ:

Бочарова М.А., Калинина Е.С., Лаптева Е.А., Платонова О.Ф.

115035, г. Москва, ул. Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Тел.: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел./ф.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Подписные индексы:

«Роспечать» — 20626; «Объединенный каталог» (АРЗИ) — 91913;

«Каталог российской прессы» — 12779

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИГРАФОЛОГИИ

- Белых-Силаев Д.В., Комиссарова Я.В.** О проведении исследований с применением полиграфа в России (результаты анкетирования полиграфологов в 2003–2016 гг.) 3
- Гончарова Н.В.** К вопросу о когнитивной сохранности объекта и оценке психического состояния лица при назначении СПФЭ потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому, свидетелю 11
- Хамзин С.Р.** Реферативный обзор статьи Р. Нельсона «Научное обоснование исследований на полиграфе» (окончание) 18

КРИМИНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Воробьев С.М.** Понятие психического насилия: теоретико-правовой анализ 23
- Карагодин В.Н., Вахмянина Н.Б.** Психологические особенности допроса потерпевших дошкольного возраста 27
- Попов В.А.** Получение криминалистически значимой информации при проведении разведопроса лиц, причастных к незаконным рубкам лесных насаждений 31

ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

- Муромцев И.Ю.** Применение методики «директивный сон» для регуляции уровня ситуативной тревожности военнослужащих 34

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

- Никитина Т.В.** Профессиональная коммуникативная деформация сотрудников уголовно-исполнительной системы 37

Уважаемые авторы, просим вас направлять статьи на электронный адрес редакции журнала «Юридическая психология»: 014130@mail.ru

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических и психологических наук.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа»

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Тираж: 1500 экз.

Цена свободная

Номер подписан: 28.02.2017

Дата выхода в свет: 20.04.2017

ISSN 2071-1204

Juridical Psychology

№ 1 / 2017

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION JOURNAL

REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING OF COMPLIANCE WITH THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF MASS COMMUNICATIONS AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE. REG. PI № ФС77-29367 of 23.08.2007. Published quarterly. Published since 2006.

FOUNDER:

Publishing Group "JURIST"

EDITOR IN CHIEF:

Belykh-Silaev D.V.

DEPUTY EDITOR IN CHIEF:

Polkovnikov R.M.

ASSISTANTS TO THE EDITOR IN CHIEF:

Voronin D.V., Eremin N.P., Kolomojtsjev M.M.,
Suprun V.N., Frolov V.A., Yurasov N.N.

EDITORIAL BOARD:

Bagmet A.M., candidate of juridical sciences,
Balashov N.M., candidate of juridical sciences, professor,
Vekhov V.B., doctor of juridical sciences, professor,
Georgadze M.S., doctor of psychological sciences,
Germanov G.N., doctor of pedagogical sciences, professor,
Gorlenko V.V., doctor of military sciences, professor,
Gur'yanov Yu.N., doctor of psychological sciences, professor,
Dmitriev I.V., candidate of psychological sciences,
Dvoryanchikov N.V., candidate of psychological sciences,
Dozortseva E.G., doctor of psychological sciences, professor,
D'yachuk I.A., candidate of sociological sciences, assistant professor,
Zinchenko Yu.P., doctor of psychological sciences, professor,
Ivankov Ch.T., doctor of pedagogical sciences, professor,
Karayani A.G., doctor of psychological sciences, professor,
Kekelidze Z.I., doctor of medical sciences, professor,
Kovalev O.G., doctor of juridical sciences, professor,
Kokurin A.V., candidate of psychological sciences, assistant professor,
Kotenev I.O., candidate of psychological sciences, assistant professor,
Malikov S.V., doctor of juridical sciences, professor,
Marchenkov V.I., doctor of pedagogical sciences, professor,
Mishutkin I.V., candidate of juridical sciences,
Mozhginskij Yu.B., doctor of medical sciences,
M'agkikh N.I., candidate of psychological sciences,
Pashin S.A., candidate of juridical sciences, professor,
Popov D.G., candidate of pedagogical sciences,
Prostyakov V.V., candidate of psychological sciences, assistant professor,
Rodionov V.A., doctor of pedagogical sciences, professor,
Safuanov F.S., doctor of psychological sciences, professor,
Seliverstov V.I., doctor of juridical sciences, professor,
Stolyarenko A.M., doctor of psychological sciences, professor,
Kholodny'j Yu.I., doctor of juridical sciences, professor,
Tsvetkov Yu.A., candidate of juridical sciences,
E'minov V.E., doctor of juridical sciences, professor,
Yakovlev V.F., doctor of medical sciences

EDITOR IN CHIEF OF PUBLISHING GROUP "JURIST":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

EDITORIAL OFFICE:

Bocharova M.A., Kalinina E.S., Lapteva E.A., Platonova O.F.

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.

Tel.: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Authors shall not pay for publication of their articles.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., candidate of juridical sciences

EDITORIAL SUBSCRIPTION CENTRE:

Tel./fax: (495) 617-18-88

(multichannel)

SUBSCRIPTION:

Rospechat' – 20626; United Catalogue – 91913;
Catalogue of the Russian Press – 12779

CONTENTS

ISSUES OF POLYGRAPHOLOGY

- Belykh-Silaev D.V., Komissarova Ya.V.** Conduction of Research using Polygraph in Russia (Results of Survey of Polygraph Examiners in 2003–2016) 3
- Goncharova N.V.** Revisiting the Cognitive Preservation of an Object and Evaluation of a Person's Mental State when Referring a Complainant, Suspect, Accused, Witness to a Forensic Psychophysiological Examination 11
- Khamzin S.R.** Review of the article of R. Nelson "Scientific Basis for Polygraph Testing" (ending) 18

CRIMINAL PSYCHOLOGY

- Vorobiev S.M.** The Concept of Mental Violence: Theoretical and Legal Analysis 23
- Karagodin V.N., Vakhmyanina N.B.** Psychological Features of Interrogation of Pre-school Victims 27
- Popov V.A.** Reception of Relevant Forensic Information at Interrogation of Persons Involved in Illegal Felling of Forest Plantations 31

ISSUES OF MILITARY PSYCHOLOGY

- Muromtsev I.Yu.** Application of the "Directed Dream" Method to Control the Level of State Anxiety of Military Men 34

ISSUES OF PSYCHOLOGY OF SENTENCE EXECUTION

- Nikitina T.V.** Professional Communicative Deformation of the Staff of the Penal Enforcement Officers 37

Dear authors, please send your articles to the electronic address of the editorial office of journal "Juridical Psychology": 014130@mail.ru

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Sciences of the Russian Federation for publication of basic results of doctoral theses.

The journal is included in the database

Russian science citation index **eLIBRARY.RU**

Printed by LLC "National Polygraphic Group"

Tel.: (4842) 70-03-37 Circulation: 1500 copies.

Free market price.

Passed for printing: 28.02.2017

Edition was published: 20.04.2017

ISSN 2071-1204

О ПРОВЕДЕНИИ ИССЛЕДОВАНИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОЛИГРАФА В РОССИИ (РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ ПОЛИГРАФОЛОГОВ В 2003–2016 гг.)

Белых-Силаев Дмитрий Владимирович,
*главный редактор журнала «Юридическая психология»,
преподаватель кафедры психологии Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации (ВУМО),
юрист, психолог, педагог
014130@mail.ru*

Комиссарова Ярослава Владимировна,
*доцент кафедры криминалистики Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
главный редактор федерального научно-практического
журнала «Эксперт-криминалист»,
кандидат юридических наук
a5143836@yandex.ru*

Применение полиграфа в России при решении задач обеспечения государственной безопасности было легализовано в 1975 году. В ходе раскрытия и расследования преступлений прибор официально используется с 90-х годов XX столетия. Однако дискуссия по «проблеме полиграфа» не утихает. Ее участники, как и десятилетия назад, занимают диаметрально противоположные позиции. Зачастую научные, технические и нравственные аспекты проблемы обсуждаются без учета реалий сегодняшнего дня, среди которых отчетливо просматривается тенденция роста числа проводимых в стране исследований. В статье анализируются итоги анкетирования полиграфологов России, поэтапно проводившегося в 2003–2016 гг. Показано, как менялось мнение специалистов по отдельным вопросам практики использования полиграфа в доказывании по уголовным делам.

Ключевые слова: полиграф, оперативно-разыскная деятельность, уголовное судопроизводство, заключение специалиста, заключение эксперта, результаты анкетирования.

CONDUCTION OF RESEARCH USING POLYGRAPH IN RUSSIA (RESULTS OF SURVEY OF POLYGRAPH EXAMINERS IN 2003-2016)

Belykh-Silaev Dmitry V.,
*Editor-in-Chief of the journal “Juridical Psychology”,
Lecturer of the Department of Psychology of the Military University
of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
Lawyer, Psychologist, Educator*

Komissarova Yaroslava V.,
*Assistant Professor of the Department of Criminalistics of the Kutafin Moscow
State University (MSAL),
Editor-in-Chief of the Federal science-practice journal “Forensics analyst”,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The use of the polygraph in Russia at the decision of tasks of state security was legalized in 1975. In the course of disclosure and investigation of crimes device officially used since the 90-ies of the last century. However, the discussion on the “problem of the polygraph” does not cease. The participants, as was the case decades ago, occupy diametrically opposed positions. Often the scientific, technical and moral aspects of the problem are discussed without taking into account the realities of today, among which are clearly visible trend in the increasing number of the country studies. The article analyzes the results of the survey of polygraph examiners of Russia, the stages held in 2003–2016. Shows how varied the opinion of experts on certain issues of practice on the use of polygraph evidence in criminal cases.

Key words: polygraph, operational-investigative activity, criminal procedure, expert opinion, results of the survey.

Введение в проблему

В отечественной литературе в разные годы, помимо негативных, преимущественно голословных заявлений о принципиальной невозможности использования полиграфа в советском уголовном

процессе, цитировать которые сегодня (с учетом произошедших в стране кардинальных политических и социально-экономических преобразований) уже не имеет смысла, встречались и более взвешенные суждения. Так, П.И. Гуляев и И.Е. Быховский,

Г.А. Злобин и С.А. Яни, Г.Г. Андреев и М.Г. Любарский, другие ученые пытались привлечь внимание юридической общественности к научной стороне проблемы.

В 1967 году А.Р. Ратинов справедливо писал, что оценка инструментальных методов исследования скрываемой человеком информации как реакционных и ненаучных подчас носит поверхностный характер: «Машина не может быть реакционной, прибор не бывает ненаучным. Он или работает, или не работает»¹.

Проанализировав дискуссионные мнения криминалистов и процессуалистов по «проблеме полиграфа», Е.П. Ищенко в 1989 г. пришел к выводу о целесообразности использования «приборов типа полиграф для диагностики причастности»: «Если комплексное экспериментальное исследование проблемы даст положительные результаты, следует разрешить применение таких приборов при производстве обысков, допросов и др. следственных действий»².

В 1993 году во ВНИИ МВД был подготовлен первый в истории современной России сборник научных статей, посвященных нетрадиционным методам раскрытия преступлений. Встал вопрос о возможности придания проверкам на полиграфе «статуса» технико-криминалистического средства. В том же году в альманахе «Записки криминалистов» была опубликована статья, в которой авторы В.С. Митричев и Ю.И. Холодный, рассматривая различные аспекты «внедрения полиграфа в деятельность правоохранительных органов», характеризовали «испытания на полиграфе» как «криминалистический метод»³.

В 1995 году специалист в области криминалистической тактики В.И. Комиссаров попытался развить идею применения полиграфа в ходе допроса⁴.

В юридической литературе до сих пор встречаются суждения в поддержку данного предложения⁵. Однако подобный вариант разрешения «проблемы полиграфа» не стыкуется с методическими требованиями, предъявляемыми к проведению исследований с применением полиграфа, а также (несмотря на натяжки) противоречит УПК РФ в части, регламентирующей производство допроса как следственного действия. В связи с этим некоторые ученые и практики пришли к выводу о том, что в перспективе речь могла бы идти о новом процессуальном действии — опросе с исполь-

зованием полиграфа (не следует путать с оперативно-разыскным мероприятием)⁶.

В 1997 году профессор В.А. Образцов в подготовленном под его редакцией учебнике по криминалистике в разделе «Криминалистическая техника» посвятил отдельный параграф «криминалистической полиграфологии», фактически легализовав использование нового термина в юридической литературе⁷.

В целом такой подход не лишен оснований. Расцвет марксистско-ленинской философии, разработка психологической теории деятельности, использование категорий теории информации при изучении процесса доказывания в 60–70-е годы XX века оказали существенное влияние на формирование общей теории криминалистики.

В результате многолетних плодотворных научных изысканий видный советский и российский криминалист Р.С. Белкин пришел к убеждению, что теория отражения составляет теоретический и практический фундамент криминалистики. Проанализировав философский, криминалистический и уголовно-процессуальный смысл категории отражения, он снабдил многие поколения ученых-криминалистов четко сформулированной, внутренне непротиворечивой, адекватно сочетающейся с положениями теории доказательств концепцией, раскрывающей объектно-предметную сущность криминалистики⁸.

Сегодня юристы сходятся во мнении, что деятельность по раскрытию и расследованию преступлений направлена на изучение обстоятельств, образующих преступное деяние либо связанных с ним, путем выявления, фиксации, накопления, анализа и использования информации, отражающей те или иные стороны исследуемого события.

В практике противодействия преступности используется понятие «криминалистически значимая информация». Это любого рода сведения, получаемые процессуальным и не процессуальным путем в ходе расследования преступления, которые могут быть доказательствами по делу либо могут способствовать получению доказательств и принятию мер для предупреждения и пресечения преступлений.

Криминалистически значимую информацию принято делить на доказательственную, ориентирующую и вспомогательную.

При всей значимости доказательственной информации процесс познания в уголовном судопроизводстве ее добыванием и использованием не ограничивается. В ходе расследования преступления доказательственная информация далеко не сразу может быть получена в полном объеме и что называется в чистом виде. Наряду с доказательственной, право-

¹ Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001. С. 257.

² Ищенко Е.П. Алгоритмизация первоначального этапа расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 335.

³ Митричев В.С., Холодный Ю.И. Полиграф как средство получения ориентирующей криминалистической информации // Записки криминалистов. Вып. 1. М.: Юрикон, 1993. С. 173–180.

⁴ Комиссаров В.И. Использование полиграфа в борьбе с преступностью // Законность. 1995. № 11. С. 43–47.

⁵ См., например: Бабаева Э.У. Предупреждение изменения показаний подследственным и свидетелем на предварительном расследовании. М.: Экзамен, 2001. С. 51–54; Семенов В.А. Применение полиграфа при производстве отдельных следственных действий // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: материалы IX Международной науч.-практ. конференции. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2008. С. 112–113.

⁶ См., например: Гладышева О.В. О необходимости закрепления процедуры применения полиграфа в рамках нового следственного действия // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: сб. трудов юбилейной 10-й Международной науч.-практ. конференции. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2009. С. 53–57.

⁷ Криминалистика / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Образцова. М.: Юристъ, 1997. С. 319–329.

⁸ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА (Издательская группа «НОРМА — ИНФРА-М»), 2001. С. 47–67.

применители собирают и анализируют различные виды ориентирующей информации. В первую очередь это данные, полученные в ходе оперативной разработки следственных версий, по ряду причин не нашедшие документального отражения. Сведения ориентирующего характера могут быть почерпнуты должностными лицами при общении с очевидцами преступления и другими гражданами, располагающими искомой информацией. Ориентирующими являются сведения, обнародованные в средствах массовой информации, слухи, мнения, распространившиеся среди населения в связи с совершением преступления, и т.п. Первоначально появившаяся как «ориентирующая», такого рода информация после проверки может приобрести статус доказательственной, если окажется, что она прямо или косвенно связана с отражением познаваемого события.

Если криминалистически значимая информация непосредственно с отражением расследуемого преступления не связана, она считается вспомогательной. Эта информация необходима для организации процесса собирания, оценки и использования доказательственной и ориентирующей информации.

Многочисленные проблемы работы с информацией об исследуемом событии (ее выявления, фиксации, накопления и т.д.) изучаются процессуалистами в рамках теории доказывания, а криминалистами — в рамках тактики следственных действий. При этом и процессуалисты, и криминалисты опираются на традиционный для философии и психологии подход к разграничению взаимодействий человека с окружающим миром на субъект-субъектные и субъект-объектные. Первый тип взаимодействий наиболее полно проявляется в межличностном общении, второй — в предметной деятельности. На основе данного общенаучного подхода в уголовном процессе сформировалась классификация доказательств на личные и вещественные, а в криминалистике — соотносимое с ней деление следственных действий на вербальные и невербальные⁹.

Если доказательственное значение имеют определенные признаки, свойства и прочие объективные характеристики материальных объектов, их носители признаются вещественными доказательствами. Согласно ст. 81 УПК РФ это могут быть любые предметы: а) служившие орудиями преступления или сохранившие на себе его следы; б) на которые были направлены преступные действия (в том числе имущество, полученное в результате совершения преступления); в) иные предметы и документы — средства для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

Когда источником доказательственной информации является человек, полученное таким образом доказательство именуется личным. В соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ к ним относят: показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключение и показания эксперта, заключение и показания специалиста, некоторые документы (в том числе процессуальные).

⁹ Подробно см.: Комиссарова Я.В. К вопросу об особенностях собирания личных доказательств // Криминалистические чтения на Байкале — 2015: материалы межд. науч.-практ. конф. / Вост.-Сиб. фил. ФГБОУ ВО «РГУП»; отв. ред. Д.А. Степаненко. Иркутск, 2015. С. 194–196.

Личные доказательства обладают определенными особенностями. Первая связана со спецификой формирования так называемых идеальных следов — образов события и обстоятельств преступления в памяти людей. Вторая обусловлена опосредованным характером передачи содержащейся в них информации.

Идеальные следы познаются путем «материализации» — потерпевшие, свидетели-очевидцы, другие участники процесса могут рассказать о том, как именно они восприняли происходящее, к примеру, описать внешность преступника, скрывшегося с места происшествия, нарисовать схему размещения людей и предметов до взрыва, охарактеризовать звуки и запахи, сопровождавшие возгорание объекта, и т.п.

Таким образом, при работе с личными доказательствами информация поступает к следователю в кодированном виде и нуждается в расшифровке. Использование в судопроизводстве современных достижений различных наук о человеке и человеческой деятельности во многом позволяет повысить эффективность противодействия преступности, успех которого определяется не только уровнем технической оснащенности правоохранительных органов и качеством нормативной базы. Практические работники должны обладать знаниями об особенностях межличностного общения, а также навыками и умениями, способствующими его процессуально грамотной организации на всех стадиях уголовного процесса.

Межличностное общение представляет собой сложный многоплановый, многоуровневый процесс установления и развития контактов между людьми.

Очевидно, что лишь часть информации в процессе общения передается людьми сознательно. Причем обычно эта информация передается посредством речи. В зависимости от используемых средств различают два вида общения: вербальное, осуществляемое при помощи языковых средств, воспринимаемых на слух, и невербальное, осуществляемое посредством несловесных знаковых систем. В числе последних — оптико-кинестическая (жесты, мимика, пантомимика), пара- и экстралингвистические (интонация, неречевые вкрапления в речь и т.д.), пространственно-временные системы организации общения, «контакт глазами».

При расследовании преступлений сотрудники правоохранительных органов должны уделять внимание невербальным проявлениям личности участников процесса, так как они могут отражать осведомленность субъекта об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. При этом можно и нужно использовать разнообразные средства и методы получения криминалистически значимой информации по невербальным каналам общения.

Информационные каналы принято разделять на естественные и искусственные. Естественные каналы тесно связаны с органами чувств, по отношению к которым человек является непосредственным приемником информации. Когда задействованы искусственные (технические) каналы, приемником служит какой-либо механизм или устройство. Принятые таким образом сообщения могут затем использоваться человеком с помощью естественных каналов либо других технических средств.

При расследовании преступлений часть информации воспринимается участниками уголовного процесса (в том числе должностными лицами) непосредственно с помощью органов чувств (сенсорных систем), а часть информации воспринимается ими с использованием специальных технических средств. Соответственно, по степени опосредованности восприятия информации, передаваемой по невербальным каналам общения, можно выделить информацию, получаемую субъектами уголовного судопроизводства с помощью органолептических и инструментальных методов¹⁰.

Благодаря относительной простоте использования органолептических методов (несмотря на то что эффективность их применения в определенной мере ограничивается чувствительностью сенсорных систем человека) сотрудники правоохранительных органов в процессе общения могут самостоятельно получать криминалистически значимую информацию независимо от волеизъявления ее обладателей.

К числу инструментальных относятся методы, построенные на использовании материальных научно-технических средств (приборов, инструментов и т.п.) в целях выявления, фиксации, сопоставления свойств изучаемых объектов. Расширяя границы человеческого восприятия, они позволяют снизить уровень субъективизма при получении и анализе информации, выраженной в невербальной форме. Однако возможность их использования на практике, как правило, обуславливается наличием у лица соответствующих специальных знаний, а также необходимостью соблюдения ряда правовых предписаний и научно-методических рекомендаций.

Одним из инструментальных методов получения информации в ситуации межличностного общения является психофизиологический метод «детекции лжи» с применением полиграфа.

Общая характеристика респондентов

В анкетировании, проводившемся в 2003–2004 гг., приняли участие 243 полиграфолога (далее — первый этап), в 2012 г. — 167 (далее — второй этап), в 2015–2016 гг. — 181 (далее — третий этап), являющихся сотрудниками различных ведомств, государственных и негосударственных организаций и учреждений, индивидуальными предпринимателями Российской Федерации.

На первом этапе среди участников анкетирования преобладали мужчины — 67,5% по сравнению с 32,5% женщин. На втором и третьем этапах женщин было больше, чем мужчин (на 12% и 20% соответственно).

На всех этапах основная масса опрошенных имела возраст от 31 года до 40 лет: на первом этапе — 44,9%, на втором — 40,7%, на третьем — 62,4%.

Что касается стажа работы в качестве полиграфолога, то на первом этапе респондентов, указавших свой стаж в пределах до двух лет, с двух до пяти лет, с пяти до 10 лет, оказалось примерно поровну — около 30%. На втором этапе пропорция изменилась: участников анкетирования со стажем 5–10 лет стало немногим

больше (37,1%, а не 32,9%), а со стажем 2–5 лет — меньше (25,7%, а не 34,6%). На третьем этапе более половины опрошенных сообщили, что имеют стаж работы в пределах 5–10 лет.

Изменение демографических показателей можно объяснить следующим.

В 1997–2011 годах Министерством внутренних дел России на базе ГУВД Краснодарского края регулярно проводились конференции по обмену опытом в области полиграфологии. На первом этапе анкетирования большинство респондентов были опрошены в 2003 г., во время сочинской международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и работе с кадрами». Среди них преобладали мужчины — сотрудники правоохранительных органов.

На втором этапе в 2012 г. анкетирование состоялось в рамках московского форума полиграфологов России «Актуальные проблемы инструментальной детекции лжи. Современные методы диагностики лжи», в числе участников которого представители правоохранительных органов оказались в меньшинстве.

Третий этап анкетирования был частично реализован в 2015 г., в ходе сочинской международной научно-практической конференции, однако на тот период конференция проводилась под эгидой общественной организации — Всероссийской полицейской ассоциации МПА¹¹. Среди участников, как и на втором этапе, мужчин — сотрудников правоохранительных органов было немного.

Следует отметить, что большинство полиграфологов России не имеют юридического образования и поэтому не видят различий между оперативно-разыскной деятельностью и уголовным судопроизводством. Данное обстоятельство учитывалось при формулировке вопросов анкеты и анализе результатов анкетирования.

Аналитическая справка по итогам анкетирования

По мнению участников анкетирования, использование полиграфа в уголовном судопроизводстве наиболее полезно в целях:

- а) сужения круга лиц, подозреваемых в совершении преступления либо причастности к случившемуся (этот вариант на первом этапе выбрали 38,7%, на втором — 52,1%, на третьем — 50,8% опрошенных);
- б) получения дополнительной информации о совершенном преступлении (25,9%, 43,7%, 38,1%);
- в) определения ролей соучастников (21,4%, 11,4%, 12,2%);
- г) опроса лиц, указывающих на обстоятельства преступления, на предмет — имело ли место преступление в действительности (4,5%, 14,4%, 19,3%);
- д) установления факта преувеличения либо умалчивания конкретным лицом информации о случившемся (3,7%, 12,6%, 9,2%).

¹⁰ Подробно см.: Комиссарова Я.В., Семенов В.В. Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений. М.: Юрлитинформ, 2004. С. 11–129; Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития: коллективная монография / отв. ред. Е.П. Ищенко. М.: Проспект, 2016. С. 188–204.

¹¹ Международная полицейская ассоциация (МПА) — неправительственная организация с консультативным статусом special при Экономическом и Социальном Совете ООН, Совете Европы и Организации американских государств, поддерживающая рабочие отношения.

На все вышеперечисленное в совокупности обратили внимание 5,8% опрошенных на первом этапе, 69,5% — на втором и 68,5% — на третьем этапе.

На первом этапе при ответе на вопрос: «Как, на Ваш взгляд, сотрудники правоохранительных органов относятся в настоящее время к использованию полиграфа в уголовном судопроизводстве?» — мнения разделились следующим образом:

— 76,5% полагают, что полиграф применяется в оперативно-разыскной деятельности;

— 23,9% полагают, что полиграф применяется при возникновении необходимости в использовании специальных знаний в порядке, предусмотренном законодательством;

— 9,5% полагают, что полиграф применяется в форме психофизиологической экспертизы;

— 7% полагают, что это один из нетрадиционных методов раскрытия преступлений, находящихся в одном ряду с телепатией, лозоходством и т.п., применяемый преимущественно неофициально;

— 4,9% полагают, что применение полиграфа связано с производством судебно-психологической экспертизы.

На втором и третьем этапах при ответе на этот вопрос можно было выбрать несколько вариантов. Не удивительно, что многие опрошенные справедливо указали, что в настоящее время сотрудники правоохранительных органов осведомлены о том, что полиграф применяется как в оперативно-разыскной деятельности (50,3% и 51,4%), так и при возникновении необходимости в использовании специальных знаний (46,7% и 48,1%), конкретно — в форме психофизиологической экспертизы (34,1% и 25,4%).

Что касается позиции полиграфологов по вопросу об оптимальной форме использования полиграфа при расследовании уголовных дел, то лишь 8,2% опрошенных на первом этапе, 13,2% — на втором и 8,3% — на третьем высказались за ограничение сферы его применения рамками оперативно-разыскной деятельности.

Около четверти участников анкетирования на первых двух этапах отметили возможность приобщения заключения полиграфолога к материалам дела в качестве документа — источника доказательств (29,6% и 22,8%). На третьем этапе сторонников такого подхода оказалось всего 7,7%.

На всех этапах анкетирования большинство, уязвывая проверку на полиграфе с использованием специальных знаний, согласилось с тем, что психофизиологическое исследование с применением полиграфа является самостоятельным видом экспертизы (36,2%, 38,3%, 31,5% соответственно).

За применение полиграфа в рамках судебно-психологической экспертизы выступили всего четверо из 243 опрошенных на первом этапе, пятеро из 167 — на втором, шестеро из 181 — на третьем этапе анкетирования.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что полиграфологи и сотрудники правоохранительных органов России не связывают применение полиграфа с производством судебно-психологической экспертизы. Видимо, это обусловлено корреляционной зависимостью мнения правоприменителей от того, как сами полиграфологи оценивают условия личной компетентности и профессионализма.

В 2015–2016 годах в дополнение к тем вопросам, что были заданы на первых двух этапах анкетирования, полиграфологи ответили на вопрос: «Чем определяется компетентность полиграфолога?» (можно было выбрать несколько вариантов):

1. Наличием и качеством подготовки в области полиграфологии. Так считает подавляющее большинство специалистов — 71,3%.

2. Опытю работы в качестве полиграфолога в государственных органах и организациях и/или в негосударственном секторе экономики — 19,3%. Из числа выбравших данный вариант ответа двенадцать указали, что наличие опыта работы в государственных органах и/или организациях предпочтительнее, а четверо отметили значимость разнопланового опыта работы в качестве полиграфолога.

3. Наличием высшего образования. Этот вариант ответа выбрали 10,5% респондентов. Двое подчеркнули, что «не любого» высшего, а медицинского и/или психологического, трое дополнительно отметили необходимость наличия юридического образования, один — наличие высшего технического образования.

4. Стажем работы в качестве полиграфолога в государственных органах и организациях и/или в негосударственном секторе экономики — 7,2%.

5. Наличием положительных отзывов со стороны работодателя, заказчиков, коллег-полиграфологов — 3,9%. Важно, что все, кто выбрал данный вариант ответа, отметили его исключительно в дополнение к вариантам, указанным в п. 2 и 3.

Из числа опрошенных 15,5% полагают, что все, выше перечисленное, важно. Пятеро дополнительно указали на значимость личной ответственности полиграфолога за качество проводимых исследований.

При этом 84,5% респондентов, опрошенных в 2015–2016 гг., отметили необходимость разработки и последующего утверждения в Министерстве труда и социальной защиты РФ профессионального стандарта деятельности полиграфолога¹².

С учетом вышеизложенного становится понятно, почему среди факторов, препятствующих эффективному использованию полиграфа в уголовном судопроизводстве, на третьем этапе анкетирования 57,4% респондентов выделили нехватку квалифицированных специалистов на местах и отдельные эпизоды низкоквалифицированной работы полиграфологов, получающие большой общественный резонанс. На втором этапе эти факторы указали 42,6% опрошенных. На первом этапе на нехватку квалифицированных кадров сослались только 14,8% участников анкетирования.

На недостаточную осведомленность сотрудников правоохранительных органов об особенностях производства исследования и его результативности на первом этапе обратили внимание 49,8% полиграфологов, на втором — 61,1%, на третьем — 31%.

¹² Информацию по вопросам разработки профессионального стандарта и текст проекта стандарта «Специалист по проведению психофизиологических исследований с применением полиграфа» см. на сайте НП «Национальная Коллегия Полиграфологов»: [Электронный ресурс]. URL: <http://npnkr.ru/glavnaia/professionalnyi-standart-spetsialist-po-provedeniui-psihofiziologicheskikh-issledovani-s-primeneniem-poligrafa>.

На недостатки в материально-техническом обеспечении деятельности правоохранительных органов на третьем этапе указали всего 6 человек (3,3%), на втором — 2 (1,2%), хотя на первом этапе так считали 93 человека (38,3%). Меньше стало тех, кто полагает, что отрицательную роль сыграло негативное мнение об эффективности полиграфа, длительное время господствовавшее в России, — около 10% в 2012-м и 2015–2016 гг. против 20,2% в 2003 г.

Об отсутствии прямого предписания в действующем законодательстве (особого закона), разрешающего применение полиграфа в различных сферах общественной жизни, по сравнению с 47,7% опрошенных на первом этапе, на втором вспомнили 17,4% полиграфологов и 23,8% — на третьем.

Здесь надо отметить, что казавшаяся некоторым российским полиграфологам привлекательной в конце 90-х — начале 2000-х гг. идея разработки и принятия «закона о полиграфе» не получила поддержки в обществе.

В декабре 2010 г. группа депутатов внесла в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации V созыва проект Федерального закона «О применении полиграфа» (ответственным по законопроекту был назначен Комитет по безопасности). Работа над текстом проекта велась на протяжении предшествовавших тому 10 лет. Весной 2006 г. текст законопроекта официально был изучен в ряде ведомств, где получил отрицательную оценку. За истекшие годы, не считая нескольких технических правок, проект закона не изменился. В феврале 2012 г. Совет Госдумы поддержал предложение Комитета по безопасности и противодействию коррупции вернуть законопроект авторам законодательной инициативы¹³.

Предметом правового регулирования не может быть использование технических средств, которые в современных условиях непрерывно совершенствуются и заменяются принципиально новыми. Кроме того, авторы законопроекта допустили целый ряд ошибок, обуславливающих невозможность его доработки и принятия. Ключевой является смешение двух разных процедур:

а) исследования, проводимого полиграфологом в пределах своей компетенции, ограниченной объемом его специальных знаний, в целях получения дополнительной информации, имеющей значение для принятия управленческого решения;

б) процедуры проверки и оценки полученных полиграфологом сведений в процессе принятия этого решения (согласно проекту, на полиграфолога фактически возлагалась функция оценки получаемой им в ходе исследования информации, притом что он не является субъектом правоприменения)¹⁴.

В ходе анкетирования на вопрос: «Интересуются ли Вашей компетентностью сотрудники правоохранительных органов при поручении Вам проведения исследования (экспертизы) по конкретному делу?» — утвердительно ответили 37,9% респондентов (первый этап), 42,6% (второй), 57,4% (третий). Комментируя

свой ответ, полиграфологи поясняли, что чаще всего инициаторы проведения исследований интересуются их образованием и стажем работы в качестве полиграфолога, а также просят показать ранее составленные заключения.

Интересно, что необходимость продемонстрировать «заказчику» образцы заключений, которые конкретный полиграфолог готовит по результатам проводимых исследований, опрашиваемые впервые упомянули только в 2015–2016 гг.

Это связано с тем, что с 2009 г. исследования и экспертизы с применением полиграфа стали проводить штатные полиграфологи территориальных подразделений криминалистики Следственного комитета РФ (далее — СК России). По данным, имеющимся в распоряжении авторов статьи, в 2009–2010 гг. ими было подготовлено свыше 2500 заключений специалиста и эксперта, в 2014 г. — около 10000, в 2016 г. — свыше 11000 (включая 3138 заключений эксперта). Полиграфологи СК России составляют заключения по типовому образцу, разработанному Я.В. Комиссаровой. Данный образец входит в раздаточный материал, который на протяжении многих лет передается слушателям лекций — полиграфологам, адвокатам, следователям, в том числе слушателям Высших курсов повышения квалификации адвокатов Российской академии адвокатуры и нотариата (с 2005 г.), курсов повышения квалификации прокуроров-криминалистов на базе Главного управления криминалистики Генеральной прокуратуры РФ, а затем Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации (2004–2010 гг.), Института повышения квалификации, а затем Академии Следственного комитета РФ (с 2012 г.). Заключения полиграфологов СК России достаточно широко используются в доказывании по уголовным делам на стадии предварительного расследования; ежегодно в совокупности с другими доказательствами ложатся в основу в среднем около 200 приговоров. Это способствовало усилению внимания со стороны «заказчиков» к оформлению полиграфологами результатов проведенных исследований.

При использовании полиграфа в ходе расследования уголовных дел сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с разного рода трудностями. На первом этапе 34,6% опрошенных сочли, что затруднения инициаторы проверок на полиграфе испытывают преимущественно по причинам организационно-процессуального характера либо при формулировании вопросов, выносимых на разрешение полиграфолога (30,9%), в меньшей степени — при уяснении сути исследования (16,9%) либо выводов, сделанных по его результатам (11,5%). На втором и третьем этапах, напротив, полиграфологи отметили, что чаще всего сложности у практических работников возникают при формулировании вопросов (38,9% и 39,2%), уяснении выводов (34,7% и 30,9%) и сути исследования (27,5% и 12,7%). Затруднения организационно-процессуального характера выделили только 26,3% и 13,8% опрошенных соответственно.

В определенной мере это объясняется тем, что среди российских полиграфологов нет единства мнений относительно того, как следует формулировать выводы по результатам исследования.

¹³ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=93268&rnd=242442.179122098#0>.

¹⁴ Комиссарова Я.В. Комментарий к проекту Федерального закона «О применении полиграфа» // Юридический мир. 2011. № 5 (173). С. 60–61.

Мы полагаем, что актуализируя образы, хранящиеся в памяти обследуемого лица (в том числе за счет предъявления стимулов, в определенном порядке подобранных и систематизированных), изучая выраженность, устойчивость, соотношение реакций на вопросы тестов и т.д., используя различные системы оценки зарегистрированных данных, полиграфолог может выделить совокупность стимулов, значимых для обследуемого. В зависимости от того, что за стимулы это будут и какая методика использовалась в ходе тестирования на полиграфе, полиграфолог (с учетом объема и характера выявленных реакций) формулирует вывод о степени информированности обследуемого лица о случившемся. Он также вправе высказать суждение о возможных обстоятельствах получения обследуемым лицом информации о событии и вероятности ее получения непосредственно в момент события. Но при этом он не должен опережать современный уровень развития науки и решать, какая именно информация содержится в памяти человека¹⁵.

С указанным подходом в принципе согласны 56,9% полиграфологов России, опрошенных в 2015–2016 гг. (на первом и втором этапах анкетирования вопрос: «Как Вы сами формулируете выводы по результатам исследования?» — не задавался). Однако до сих пор 16% полиграфологов в своих заключениях пишут, причастен или не причастен обследуемый к какому-либо событию (именно так формулировали свои выводы российские полиграфологи в 90-е годы XX века), 9,4% — достоверно или недостоверно (объективно или нет) была изложена обследуемым лицом информация о случившемся, а 11,6% — совершал или не совершал обследуемый определенные действия (что именно делал, видел, слышал и т.п.).

Поскольку сотрудники правоохранительных органов испытывают затруднения при формулировании вопросов, выносимых на разрешение полиграфолога, и уяснении сделанных им выводов, как показали свыше 70% опрошенных на всех этапах анкетирования, им приходилось отвечать на неофициальные вопросы инициаторов проверок, во время и (или) после их проведения. Эта ситуация особых опасений не вызывает. Настораживает другое. Полиграфологи в основной массе своей убеждены, что неофициальное общение с сотрудниками правоохранительных органов при проведении исследования по поводу версий и выводов, не нашедших отражения в их заключении, допустимо. Об этом сообщили 90,1% опрошенных на первом, 87,4% — на втором и 91,8% — на третьем этапе. Но были и те, кто счел такого рода общение неприемлемым с точки зрения необходимости обеспечения независимости полиграфолога. К сожалению, никто при этом не вспомнил о правах обследуемого лица.

Думается, что определенной гарантией защиты прав и законных интересов обследуемых (более того, всех участников процесса) является ведение видеоза-

писи процедуры психофизиологического исследования с применением полиграфа.

Согласно п. 3.9.6 Стандартов практики Американской ассоциации полиграфологов (приняты 13 декабря 2011 г., введены в действие 1 января 2012 г.) аудио- и видеорегистрация всей процедуры, включая предтестовую беседу и собственно тестирование на полиграфе, является обязательной¹⁶. Российским законодательством не предусмотрено осуществление видеозаписи при производстве судебных экспертиз, в том числе проводимых в отношении живых лиц.

Очевидно, что без видеозаписи стороны лишены возможности оценить адекватность действий конкретного полиграфолога выработанным международной практикой научно-методическим стандартам. Нельзя понять, как проходило обсуждение вопросов тестов. Текст заключения не позволяет оценить корректность проведения тестирования на полиграфе, в ходе которого вопросы следует задавать «ровным» голосом, без интонационного выделения отдельных слов либо вопросов; паузы между вопросами теста должны быть не менее 15 секунд; каждый тест должен предъявляться не менее 2 раз во избежание появления ситуационно обусловленных реакций и т.д.

Видеокамера должна устанавливаться так, чтобы лицо обследуемого и отображение его психофизиологических реакций на экране монитора компьютера были видны при просмотре видеозаписи. Звуки должны быть хорошо различимы, поскольку видеофиксация процедуры осуществляется с целью синхронизации процессов озвучивания вопросов теста полиграфологом, ответов на них обследуемого лица и особенностей его реагирования¹⁷.

Мы разделяем позицию полиграфологов, полагающих, что видеозапись нужно вести всегда (независимо от того, по чьей инициативе проводится исследование) от начала и до конца процедуры, а не только на этапе тестирования на полиграфе. Так считают 69,6% опрошенных в 2015–2016 гг. (на предшествующих этапах анкетирования вопросы о значении видеозаписи при проведении исследований с применением полиграфа не ставились). Однако 20,4% специалистов пока придерживаются точки зрения, согласно которой «видеозапись иногда (с учетом обстоятельств) можно вести, если полиграфолог считает это необходимым».

Отвечая на вопрос: «Вы лично ведете видеозапись проводимых исследований?», 65,7% опрошенных сообщили, что за редким исключением ведут запись всегда. Восемь из них отметили, что по месту их работы ведение видеозаписи проводимых исследований является обязательным условием. Иногда, когда сочтут необходимым, видеозапись ведут 17,7% респондентов, и только 9,9% указали, что видеозапись не ведут, сославшись на отсутствие технической возможности.

¹⁵ Подробно см.: Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 290–291; Komissarova Ya.V., Khamzin S.R. Polygraph Abroad: Destination Russia // APA Magazine: электрон. журн. 2016. № 49 (1). С. 93–103 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polygraph.org/apa-magazine>. Доступ для подписчиков журнала APA Magazine.

¹⁶ Пеленицын А.Б., Сошников А.П. Современные технологии применения полиграфа: В 4-х ч. М.: Изд-во АНО ДПО «Центр прикладной психофизиологии», 2015. Ч. 1. С. 196.

¹⁷ Комиссарова Я.В. Алгоритм действий полиграфолога при производстве судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: материалы IX Международной научно-практической конференции. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2008. С. 68.

По мнению полиграфологов, участвовавших в анкетировании в 2015–2016 гг., в первую очередь ведение видеозаписи (во всех ситуациях или эпизодически) необходимо для того:

а) чтобы полиграфолог был застрахован от обвинений в некорректном поведении по отношению к обследуемому лицу (34,3%);

б) чтобы полиграфолог мог предъявить результаты заказчику и прокомментировать их (8,8%);

в) чтобы защитить права обследуемого лица (7,2%);

г) чтобы можно было проверить качество работы полиграфолога (6,6%).

О том, что все вышеуказанные причины одинаково важны, полагают 40,3% опрошенных. Пятеро участников анкетирования отметили целесообразность ведения видеозаписи с точки зрения получения дополнительной информации для анализа, в частности, в целях выявления противодействия процедуре со стороны обследуемого лица.

Судя по результатам второго и третьего этапов анкетирования (2012–2016 гг.), сегодня наиболее точно специфику проверки на полиграфе отражает наименование «психофизиологическое исследование с применением полиграфа». Это отметили около 80% опрошенных. В пользу известного отечественной практике с 90-х годов XX столетия термина «опрос с использованием (применением) полиграфа» высказались 18% респондентов. Вариант «криминалистические исследования с применением полиграфа» в 2012 г. выбрал один человек из 167, а в 2015–2016 гг. — двое из 181 участника анкетирования.

Резюме

Сегодня в России, как и во многих других странах мира, полиграф достаточно активно используется:

а) при осуществлении оперативно-разыскной деятельности в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации, регламентирующего данный вид деятельности;

б) в ходе судопроизводства в соответствии с требованиями процессуального законодательства Российской Федерации;

в) при поступлении на государственную службу и ее прохождении в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации;

г) при регулировании трудовых и иных, непосредственно связанных с ними отношений в соответствии с требованиями трудового законодательства и нормативных актов, регламентирующих отдельные сферы жизнедеятельности общества;

д) в порядке оказания услуг по гражданско-правовым договорам.

Независимо от характера решаемых задач и условий проведения психофизиологическое исследование с применением полиграфа представляет собой особым образом организованную процедуру использования специальных знаний одновременно из области психологии, физиологии и криминалистики. Результатом многочисленных исследований, проведенных на стыке указанных наук, стало формирование новой междисциплинарной области знаний — полиграфологии¹⁸,

¹⁸ См.: Комиссарова Я.В. Основы полиграфологии: учебник для магистров. М.: Проспект, 2016.

в рамках которой сегодня рассматриваются научно-методические основы, технические, организационные и правовые условия проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в целях диагностики информационного состояния субъекта при осуществлении судопроизводства, оперативно-разыскной, трудовой и служебной деятельности.

Литература

1. Бабаева Э.У. Предупреждение изменения показаний подследственным и свидетелем на предварительном расследовании. М.: Экзамен, 2001.
2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА (Издательская группа «НОРМА—ИНФРА-М»), 2001.
3. Гладышева О.В. О необходимости закрепления процедуры применения полиграфа в рамках нового следственного действия // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: сб. трудов юбилейной 10-й Международной науч.-практ. конференции. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2009. С. 53–57.
4. Ищенко Е.П. Алгоритмизация первоначального этапа расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1989.
5. Комиссаров В.И. Использование полиграфа в борьбе с преступностью // Законность. 1995. № 11. С. 43–47.
6. Комиссарова Я.В. Алгоритм действий полиграфолога при производстве судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: материалы IX Межд. науч.-практ. конф. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2008.
7. Комиссарова Я.В. К вопросу об особенностях собирания личных доказательств // Криминалистические чтения на Байкале — 2015: материалы межд. науч.-практ. конф. / Вост.-Сиб. фил. ФГБОУ ВО «РГУП»; отв. ред. Д.А. Степаненко. Иркутск, 2015. С. 194–196.
8. Комиссарова Я.В. Комментарий к проекту Федерального закона «О применении полиграфа» // Юридический мир. 2011. № 5 (173). С. 60–61.
9. Комиссарова Я.В. Основы полиграфологии: учебник для магистров. М.: Проспект, 2016.
10. Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика. М.: Юрлитинформ, 2014.
11. Комиссарова Я.В., Семенов В.В. Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений. М.: Юрлитинформ, 2004.
12. Криминалистика / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Образцова. М.: Юрист, 1997.
13. Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития: коллективная монография / отв. ред. Е.П. Ищенко. М.: Проспект, 2016.
14. Митричев В.С. Полиграф как средство получения ориентирующей криминалистической информации / В.С. Митричев, Ю.И. Холодный // Записки криминалистов. Вып. 1. М.: Юрикон, 1993. С. 173–180.
15. Пеленицын А.Б. Современные технологии применения полиграфа: В 4-х ч. / А.Б. Пеленицын, А.П. Сошников. М.: Изд-во АНО ДПО «Центр прикладной психофизиологии», 2015.
16. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001.
17. Семенов В.А. Применение полиграфа при производстве отдельных следственных действий // Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров: материалы IX Межд. науч.-практ. конф. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2008. С. 105–114.
18. Komissarova Ya.V., Khamzin S.R. Polygraph Abroad: Destination Russia // APA Magazine: электрон. журн. 2016. № 49 (1). P. 93–103 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polygraph.org/apa-magazine>. Доступ для подписчиков журнала APA Magazine.

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНОЙ СОХРАННОСТИ ОБЪЕКТА И ОЦЕНКЕ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЦА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ СПФЭ ПОТЕРПЕВШЕМУ, ПОДОЗРЕВАЕМОМУ, ОБВИНЯЕМОМУ, СВИДЕТЕЛЮ

Гончарова Наталья Владимировна,
старший эксперт 3-го отдела специальных экспертиз
Экспертно-криминалистического центра управления внутренних дел
по Центральному административному округу
Главного управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации по г. Москве,
аспирант 3-го курса кафедры клинической и судебной психологии
факультета юридической психологии
Московского городского психолого-педагогического университета
ng.72@mail.ru

На современном этапе остается нерешенным вопрос влияния текущего психического состояния и измененного процесса когнитивных функций на получаемые результаты при изучении физиологических реакций и допустимости лица при назначении психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа. В статье рассматриваются проблемы, влияющие на достоверность полученных результатов, и обосновывается необходимость расширения перечня медицинских противопоказаний при использовании полиграфа. Автором статьи было проведено исследование, в котором использовались клиничко-психологические и экспериментально-психологические методы изучения личности свидетелей (100 человек), проходивших психофизиологическое исследование в Экспертно-криминалистическом центре УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция поведения, восприятие субъективно-значимых стимулов, сохранность психических когнитивных функций.

REVISITING THE COGNITIVE PRESERVATION OF AN OBJECT AND EVALUATION OF A PERSON'S MENTAL STATE WHEN REFERRING A COMPLAINANT, SUSPECT, ACCUSED, WITNESS TO A FORENSIC PSYCHOPHYSIOLOGICAL EXAMINATION

Goncharova Natalya V.,
Senior Expert of the 3rd Department of Special Examinations
of the Criminal Expertise Centre
of the Department of Internal Affairs for the Central Administrative District
of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs for Moscow,
3rd year Postgraduate Student of the Department of Clinical and Forensic Psychology
of the Faculty of Legal Psychology of the Moscow State University
of Psychology & Education

At the present stage remains unresolved, the impact of the current mental condition on the results obtained in the study of physiological reactions and the admissibility of persons when appointing the polygraph. And the thing is not relevance of stimulus so much to say, but in the perception of this mental stimulus in normal or in its pathology. In particular, the limitations are prescribed depending on age, health, physical violations and perception of reality. This article discusses the issues that affect the reliability of the results obtained, as well as the necessity of extending the list of medical contraindications when using the polygraph.

Key words: conscious selfcontrol behavior, perception, subjectively significant incentives, preservation of mental of cognitive functions.

В юридической практике в ходе предварительного следствия в процессе уголовного судопроизводства часто возникает необходимость участия лиц с разным юридическим статусом (подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей) в судебно-следственных мероприятиях, что требует

от них понимания содержания происходящего, дачи своей интерпретации, осознания и адекватного реагирования, то есть правильного тестирования реальности.

На подготовительной стадии СПФЭ эксперт проводит предварительный экспертный осмотр объекта

исследования, устанавливает пригодность и достаточность для решения поставленных вопросов, выдвигает экспертные версии, намечает план экспертного исследования и осуществляет выбор метода, необходимый для осуществления судебной экспертизы. Наиболее распространенные экспертные ошибки этой стадии: непригодность объекта исследования; неверное представление об объекте исследования; выбор методов или методик исследования, не соответствующих объекту.

Сохранность способности правильно воспринимать обстоятельства правонарушения свидетелями, потерпевшими по уголовным делам не приводит к однозначному выводу о наличии их способности давать показания. Независимо от активной позиции в отношении обстоятельств уголовного дела, для того чтобы быть полноценным свидетелем для проведения СПФЭ, лицо должно обладать «сохранностью» всех психических когнитивных функций, понимать юридическую сторону происшедшего и последствия данных им сведений. Понимание юридической стороны правонарушения лицами зависит от их индивидуальных и возрастных особенностей, уровня психического развития и соотношения его с возрастными нормами, от особенностей регуляторных процессов, саморегуляции эмоциональных состояний, что в целом и образует способность того или иного лица давать показания. Наличие в клинической картине заболеваний у лиц может существенно влиять на содержание показаний и делать их лишенными доказательственного значения.

Для того чтобы ответить на вопрос, может ли подэкспертный правильно воспроизводить воспринятую информацию, надо в первую очередь оценить мнестические процессы, особенности мышления, которые влияют на переработку и хранение информации, характеристики эмоционально-волевой и мотивационной сфер, а также речевое развитие [4, с. 522].

Вероятность того, что подозреваемый, потерпевший либо свидетель имеют проблемы с психическим здоровьем, эмоциональной сферой, а также с характером, достаточно велика, особенно в плане компульсивности [10, с. 165]. Это может выражаться в повышенной возбудимости, эмоциональной реактивности, что часто приводит к асоциальному поведению [9, с. 143]. М. Floch [8, с. 653] писал, что расстройства личности и парциальная амнезия являются противопоказаниями к проведению проверок на полиграфе. J. Orlansky [12, с. 62] дополнил этот список такими психическими расстройствами, как ретардация психического развития, психоз. С. J. Ruilmann и соавт. [15, с. 953] отмечали, что у лиц с расстройствами личности наблюдаются снижение реактивности кожногальванического рефлекса (КГР) и нестабильность дыхания и сердечно-сосудистых реакций. D. Lykken [11, с. 795] исследовал динамику КГР у лиц с расстройствами личности. Автором было показано, что у лиц с психопатией реакции в ответ на предъявление стимулов недифференцированы и более низкие, чем у психически здоровых обследуемых. D. Raskin и соавт. [13, с. 35] проводили полиграфологические проверки на 24 испытуемых с

расстройствами личности. Эффективность данной методики в плане выявления скрываемой информации была весьма высока и составляла 96%. Позже D. Raskin и соавт. [14, с. 126] показали, что у испытуемых с расстройствами личности наблюдались более высокие КГР и показатели ЧСС, чем у здоровых лиц.

Получается, при малейшей патологии психической деятельности, а также наличии соматических либо психосоматических заболеваний «психофизиологический феномен на полиграфе» может не работать и в последующем приводит к экспертным ошибкам.

Для органов суда и следствия часто бывает достаточно, чтобы свидетель, потерпевший, подозреваемый при допросе были способны осмысленно воспринимать и воспроизводить лишь «внешнюю сторону юридически значимых событий», то есть достаточно рассказа об увиденном, без понимания и юридической оценки «внутренней фактической содержательной стороны правонарушения», но этого недостаточно для проведения полиграфологического исследования. К примеру, при органическом расстройстве личности подозреваемые, обвиняемые, свидетели, потерпевшие, имеющие заболевание «эпилепсия», могут идти как по неврологическому статусу, так и с психотической составляющей: это сумеречное расстройство сознания, с вегетативными нарушениями и фрагментарным восприятием из-за периодической частичной или полной утраты сознания; происходит патологическое страдание памяти, так называемые палимпсесты как кратковременное выпадение памяти. Получается, восприятие носит только фрагментарный характер, соответственно, и показания подэкспертный способен давать об отдельных фрагментах происходящего, а не о криминальном событии в целом, отсюда следует, что есть ограничения к проведению СПФЭ.

У многих российских полиграфологов любой школы и направления существуют серьезные проблемы в этом вопросе. В практике назначения СПФЭ в нашей стране процедура оценки состояния лица перед проведением экспертизы отсутствует, несмотря на ее очевидную необходимость. В специальной литературе сделана лишь попытка разрешения данной проблематики путем получения в ходе беседы с подэкспертным сведений о состоянии его здоровья. Но далеко не все лица по уголовному делу, желающие пройти полиграф, знают о состоянии своего здоровья и адекватно его оценивают. Лица с расстройством личности, как правило, не считают себя больными или не замечают каких-либо серьезных отклонений психики у себя. Одним из главных признаков психопатий является эгосинтоническая модель поведения, приемлемая личностью и не воспринимаемая ею как патологическая, необычная [7, с. 236].

И получается, что если отсутствуют записи о заболевании в рамках психодиспансерного учета, если нет ярко выраженной психосимптоматики, если подэкспертный никогда не обращался к врачу-психиатру либо утаивает информацию о состоянии своего психического здоровья, то следовательно в вопросе установления пригодности лица и выявления противопоказаний к СПФЭ бессилён. Отсюда

следует вывод, что решение о назначении психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа должно приниматься с учетом результатов судебной психолого-психиатрической экспертизы. Но в следственно-судебной практике это «камень преткновения», и проведение психолого-психиатрической экспертизы перед каждым СПФЭ представляется маловероятным. Поэтому этические нормы в полиграфологии «вроде не навреди» существуют прямо, косвенно и отдаленно, но они неэффективны, и их недостаточно. Суждение специалиста без знаний психиатрии и клинической психологии будет основано только на субъективных оценках состояния здоровья обследуемого лица, если лицо вообще пожелает о своем заболевании рассказать, являясь, к примеру, по уголовному делу потерпевшей стороной, а это важный вопрос той реакции, которую мы получаем при исследовании на полиграфе.

К сожалению, стоит отметить, что не так много научных работ в этой области проведено в нашей стране, одна из них «Опрос с использованием полиграфа: психиатрические противопоказания» [2, с. 31]. Исследователями было обнаружено, что расстройства существенным образом влияют на физиологическую реактивность обследуемых лиц, снижая валидность психофизиологического исследования [5, с. 22]. Таким образом, ученые пришли к выводу о необходимости психической оценки [3, с. 14]. В 20–30% случаев результаты тестирования на полиграфе оказываются сомнительными или неоднозначными, что не позволило использовать их для аргументации наличия или отсутствия отклонений [6, с. 29].

Автором статьи было проведено исследование личностных особенностей свидетелей (100 человек), проходивших психофизиологическое обследование в Экспертно-криминалистическом центре УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве.

Для решения поставленных задач использовались клинико-психологический и экспериментально-психологический методы исследования. Клинико-психологический метод — психологический анализ специализированных психосоциальных интервью. Экспериментально-психологический метод представлен комплексом из следующих методик с целью получения дополнительных данных о психических функциях (памяти, внимания, мышления, интеллекта, эмоциональной и личностной сфер) для последующего проведения психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа:

— методики исследования актуального психического состояния: опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R); «10 слов» (память, внимание) А.Р. Лурии; методика «Исключение предметов (четвертый лишний)» направлена на исследование особенностей мышления, качественных патологических особенностей, к которым относится снижение и искажения уровня обобщения;

— методики исследования структуры личности: опросник для определения акцентуаций личности К. Леонгарда — С. Шмишека; многофакторный личностный опросник Р. Кэттелла (16 PF) (А.Ю. Пана-

сюк, 1977), оценивающий выраженность отдельных личностных черт по функционально независимым факторам, в том числе интеллекта;

— методики исследования ценностно-смысловой сферы и системы значимых отношений личности: шкалы психологического благополучия (ШПБ), с целью выявления психофизиологической сохранности функций. Адаптированный русскоязычный вариант опросника предложен американской исследовательницей Кэрол Рифф;

— для диагностики эмоциональной устойчивости и типологических особенностей личности использовался тест Ч. Спилбергера — Ю. Ханина (Ю.Л. Ханин, 1978), с определением уровня личностной тревожности (ЛТ); также полуструктурированное интервью, которое включало в себя вопросы, направленные на выявление личностной тревожности.

— методики исследования адаптационных механизмов личности: для изучения механизмов психологической защиты «Индекс жизненного стиля» (ИЖС); для изучения стратегий совладающего со стрессом поведения использовался копинг-тест «Опросник о способах копинга» (Way of Coping Questionare, WCO) Р. Лазаруса и С. Фолкмана (Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк, 2005), направленный на выявление стресс-совладающего поведения;

— исследовались реакции вегетативной нервной системы (по показателям КГР (кожно-гальванической реакции), изменению сопротивления кожи и плетизмограмме); на уровне деятельности центральной нервной системы использовались ЧСС, АД, пульс;

— для диагностики типа вегетативного реагирования применялся модифицированный тест В.В. Суворовой «Определение индивидуального вегетативного баланса». Этот метод и его модификации широко применяются в медицине, физиологии и психофизиологии для оценки вегетативного баланса и общего функционального состояния организма.

Для исследования была получена качественная оценка индивидуального вегетативного баланса испытуемых, которая позволила оценить выраженности симпатико-, ваготонии или эйтонии, с помощью психометрического обследования. Испытуемые были разделены на типологические группы по вегетативному статусу: ваготоники (24 человека), симпатотоники (33 человека), эйтоники (53 человека), что дало возможность комплексной оценки функционального состояния ВНС (вегетативной нервной системы) с учетом индивидуальных особенностей автономной регуляции.

Согласно данным корреляционного анализа психо вегетативного комплекса у лиц, различающихся по исходному состоянию систем вегетативной регуляции, значения между показателями психоэмоциональной сферы и параметрами вегетативной регуляции во всех трех группах были достаточно близкими, что подтверждает тесную взаимосвязь психологического и вегетативного уровней регуляции функций и поведения (табл. 1, 2).

Таблица 1. Средние значения показателей реакций вегетативной нервной системы по группам

Показатели	Амфотоники n = 53	Ваготоники n = 24	Симпатотоники n = 33	Достоверность различий	
				1–2	1–3
ЧСС	57,14 ± 0,39	44,57 ± 0,81	85,11 ± 1,76	p < 0,001	p < 0,001
КГР	36,09 ± 0,55	20,83 ± 0,52	51,78 ± 0,94	p < 0,001	p < 0,001
ФПГ	134,14 ± 3,14	33,22 ± 2,56	336,68 ± 11,22	p < 0,001	p < 0,001
ГД	0,171 ± 0,004	0,345 ± 0,003	0,115 ± 0,003	p < 0,001	p < 0,001
ДД	0,315 ± 0,014	0,166 ± 0,024	0,324 ± 0,028	p < 0,001	p < 0,001
АД	25,12 ± 0,40	36,58 ± 0,54	25,71 ± 0,66	p < 0,001	p < 0,001

Таблица 2. Средние значения некоторых факторов личностного опросника Кэттелла с различным типом вегетативной регуляции

Факторы	Амфотоники n = 53	Ваготоники n = 24	Симпатотоники n = 33
A	4,14 ± 0,24	3,23 ± 0,28*	6,32 ± 0,30 ⁺
F	5,65 ± 0,22	5,53 ± 0,31**	4,63 ± 0,21*
H	5,45 ± 0,21	6,32 ± 0,40*	6,63 ± 0,40
L	6,06 ± 0,25	7,04 ± 0,36*	4,76 ± 0,38 ⁺
Q3	5,79 ± 0,18	5,01 ± 0,54	6,34 ± 0,23***
Q4/C	0,66 ± 0,03	1,12 ± 0,13***	0,66 ± 0,03 ⁺⁺

Достоверные отличия от амфотоников: *p < 0,05; **p < 0,01; достоверные отличия симпатотоников от ваготоников: ⁺p < 0,05; ⁺⁺p < 0,01.

В норме частота сердечных сокращений (ЧСС) в обследованной группе составляла 39,0 ± 0,7 ударов в минуту, перед началом исследования — 67,2 ± 1,2 удара в минуту. Установлено, что при одинаковой физической нагрузке в разных группах возросло эмоциональное напряжение и вызвало увеличение ЧСС. Средние показатели артериального давления по исследованной нами группе обследуемых составили: 102,3 ± 0,7 мм рт. ст. для систолического, 63,1 ± 0,6 мм рт. ст. для диастолического и 51,3 ± 0,6 мм рт. ст. для пульсового артериального давления. Среднее систолическое давление по всей группе испытуемых составляло 113,2 ± 1,2 мм рт. ст. (p < 0,001), диастолическое — 61,9 ± 0,9 мм рт. ст. (p < 0,01), пульсовое — 47,3 ± 1,1 мм рт. ст. (p < 0,01), при этом происходило увеличение показателей АД по сравнению с нормой.

Эффективное снижение личностной тревожности наблюдалось у лиц, отличавшихся высокой силой Я (+G), уверенностью в себе (–O), оптимизмом (–D), социальной нормативностью (–Pd), гибкостью установок (–Pa). А, Е, G, N, Q1, Q3, Мд — шкалы теста Р. Кэттелла; Эмт, Экз, Воз, Цик — теста К. Леонгарда. Динамика тревожности определялась особенностями иерархической системы свойств индивидуальности, при этом обнаруживались общие и специфические закономерности. Степень напряжения в системе психовегетативного регулирования неодинакова у лиц с симпатикотонией, амфотонией, ваготонией, что обусловлено особенностями функциональной организации вегетативной нервной системы и психологическими характеристиками (табл. 3).

Таблица 3. Средние значения показателей по группам

Показатели (Кэттелл, в баллах)	Амфотоники n = 53	Ваготоники n = 24	Симпатотоники n = 33
Тревожность	2,21	2,75	2,02
Дипломатичность	2,13	2,30	1,55
Доверчивость	3,70	4,31	3,91
Ответственность	7,20	7,02	6,49
Смелость	3,29	3,78	3,45
Чувствительность	3,42	3,80	3,83
Эмоциональная стабильность	4,73	5,53	5,22

Таблица 4. Средние значения показателей по группам

Показатели	Амфотоники n = 53	Ваготоники n = 24	Симпатотоники n = 33
Реактивная тревожность, баллы	48,65 ± 1,75	58,10 ± 0,23	34,95 ± 1,65
Личностная тревожность, баллы	13,3 ± 0,6	9,5 ± 0,4	13,3 ± 0,6
Кратковременная память на слова, %	34,5 ± 1,8	29,7 ± 1,6	34,5 ± 1,8
Долговременная память на слова, %	44,95 ± 1,75	55,20 ± 0,23	44,95 ± 1,75
Исключение предметов (четвертый лишний), баллы	11,23 ± 0,31	13,42 ± 0,22	11,23 ± 0,31

Таблица 5. Средние значения по шкалам опросника выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R)

Шкалы SCL-90-R	Средние значения по шкалам (баллы) (n-44) (SE)	Средние значения по шкалам (баллы) (n-56) (SE)
Соматизация	1,43 (0,86)	1,04 (0,42)
Обсессивно-компульсивные расстройства	1,33 (1,08)	1,24 (0,88)
Межличностная чувствительность	1,33 (0,86)	1,21 (0,75)
Депрессии	1,55 (0,97)	0,96 (0,87)
Тревожность	1,26 (1,00)	1,09 (0,84)
Враждебность	1,15 (0,93)	0,17 (0,89)
Фобическая тревожность	1,68 (0,78)	0,59 (0,68)
Паранойяльные симптомы	1,12 (0,94)	0,87 (0,81)
Психотизм	0,91 (0,88)	0,17 (0,43)
Общий индекс тяжести	1,18 (0,93)	0,94 (0,66)

Исследования выявили, что показатель уровня тревожности достоверно различался у 2-й и 3-й группы ($30,4 \pm 2,0$ балла у симпатотоников, $54,6 \pm 3,1$ — у эйтоников и $44,0 \pm 5,1$ — у ваготоников), то есть в целом чувство страха было более выражено у лиц с высоким уровнем активности парасимпатической системы. Факт большей тревожности наблюдается у ваготоников по сравнению с симпатотониками, например, 7% у симпатотоников — 16% у ваготоников (таблица 4).

Как видно на рисунке, в шкале «психологическое благополучие» по группам распределились следующим образом: низкие показатели, не соответствующие норме по ключу, показали 39% испытуемых, средние значения — 45% испытуемых, высокие значения — 16% испытуемых.

Рисунок.

Данные проведенного исследования свидетельствуют, что результат зависит от типа личности и подтверждает очевидную значимость точного и полного

исследования мотивационно-личностной сферы и изучения личностных особенностей.

Обоснованы также критерии распознавания «психологической уязвимости» личности по показателям психологических стратегий совладания со стрессом. Определены маркеры психологического неблагополучия, которые составляют «симптомо-комплекс дезадаптации»: 1) повышенный уровень напряженности психологических защит; 2) преобладание в структуре механизмов защиты личности регрессии, замещения и проекции; 3) предпочтение копинг-стратегий «конфронтация», «избегание», а также «принятие на себя чрезмерной ответственности в разрешении проблем» (табл. 5).

Дисбаланс в структуре психологических адаптационных механизмов выступает в качестве фактора риска нарушений психической адаптации личности. Преобладают эмоционально-фокусированные стратегии совладания (чрезмерно повышен контроль над эмоциями, стоически переносят трудности; выражены стратегии дистанцирования и избегания, снижен самоконтроль). Информация провоцирует снижение самоконтроля, активно используется весь спектр сознательных стратегий совладания; прилагаются агрессивные усилия по изменению ситуации, существует тенденция к убеганию и дистанцированию от неприятных переживаний, что способствует более частому использованию стратегии самоконтроля. Утрачивается способность к обесцениванию проблем, отсутствует избегание (табл. 6).

Таблица 6. Акцентуации характера среди лиц с различным типом вегетативной регуляции (%)

Акцентуации	Амфотоники n = 53	Ваготоники n = 24	Симпатотоники n = 33
Неакцентуированные	1,45	1,05	0,24
Сенситивная	1,6	20,9	0,32
Психастеническая	2,2	1,5	10,2
Интровертированная	0,4	12,5	5,1
Возбудимая	8,5	8,3	23,0
Демонстративная	4,4	8,3	1,9
Смешанные (амальгамные)	3,95	12,5	2,5
Смешанные (промежуточные)	4,7	4,1	20,5

Таблица 7. Средние значения копинг-стратегий по группам

	Норма (муж., жен. n=100)	Амфотоники n = 53	Ваготоники n = 24	Симпатотоники n = 33
	±	±	±	±
Конфронтация	50,7 ± 0,7	44,9 ± 2,1	44,9 ± 2,1	44,2 ± 1,9
Дистанцирование	49,4 ± 0,6	50,2 ± 3,1	50,2 ± 3,1	44,7 ± 2,3
Самоконтроль	63,7 ± 0,5	60,6 ± 2,7	60,6 ± 2,7	59,9 ± 2,4*
Поиск социальной поддержки	62,8 ± 0,6	64,4 ± 2,5	64,4 ± 2,5	57,2 ± 2,1
Принятие ответственности	62,9 ± 0,7	58,6 ± 2,6	58,6 ± 2,6	48,4 ± 1,8**
Убегание	45,2 ± 0,5	38,1 ± 2,8**	38,1 ± 2,8**	34,0 ± 2,1**
Планомерное разрешение проблемы	69,9 ± 0,6	70,1 ± 3,6	70,1 ± 3,6	71,1 ± 2,5
Положительная переоценка	56,1 ± 0,6	49,9 ± 2,4*	49,9 ± 2,4*	49,9 ± 2,4*

В ходе проведенного исследования выявлено, что лица в психической норме демонстрируют гибкость стресс-совладающего поведения, способность к переключению на разные проблемно-ориентированные копинг-стратегии в соответствии с текущей ситуацией. Имеют более сбалансированный комплекс личностных характеристик с сохранением функциональных резервов и защиты регуляторных механизмов от перенапряжения. Особенности нейрорегуляторных звеньев здесь определяют процессы психической саморегуляции, и изменения функционального состояния организма в момент предъявления стимула показаны более адаптивно (табл. 7).

У испытуемых с вегетативным реагированием «ваготонии» даже с легкой степенью дезадаптации наблюдались более низкие КГР и показатели ЧСС, ССС, чем у здоровых лиц. Существенно сужен диапазон продуктивных проблемно-ориентированных стратегий поведения, что, таким образом, обуславливает снижение адаптационных возможностей личности в стрессовых ситуациях. В связи с ослаблением контрольных функций коры больших полушарий страдает вся система произвольной регуляции психической деятельности и поведения.

При повышенной возбудимости и эмоциональной реактивности с вегетативным статусом «симпатотонии» происходит повышение реактивности

кожногальванического рефлекса (КГР) и нестабильность дыхания и ССС. Способность к мгновенной мобилизации организма приводит к постоянному напряжению регуляторных систем и расходованию функциональных резервов организма, что сопровождается высоким психоэмоциональным напряжением. Информация провоцирует снижение самоконтроля, активно используется весь спектр сознательных стратегий совладания, прилагаются агрессивные усилия по изменению ситуации.

У лиц с психопатией реакции в ответ на предъявление стимулов более низкие, чем у психически здоровых обследуемых. Преобладают эмоционально-фокусированные стратегии совладания (выражены стратегии дистанцирования и избегания, снижен самоконтроль).

Результаты исследования свидетельствуют о тесном взаимодействии физиологических, психофизиологических и психологических компонентов процесса и позволяют утверждать, что изучение состояния нервных процессов в комплексе с психологическими и вегетативными особенностями является важным условием для получения данных об особенностях изменения функционального состояния организма в момент предъявления стимула.

Полученные данные, в свою очередь, позволяют более эффективно оценивать достоверность показа-

ний в ходе экспертной оценки полиграммы и выявления информации у лиц, проходящих по уголовным делам.

На наш взгляд, необходимо расширить противопоказания к проведению полиграфа. Современные принципы распознавания расстройств личности базируются на критериях, основанных на классификационных системах DSM-IV-R и МКБ-10. В них достаточно четко сформулированы основные общие симптомы и частные признаки отдельных форм расстройства личности.

В противопоказания предлагается включить:

F00–F09 Органические, включая симптоматические, психические расстройства; F10–F19 Психические и поведенческие расстройства вследствие употребления психоактивных веществ. Различные психопатии, алкоголизм — как психическое расстройство и расстройство поведения, связанное с употреблением психоактивных веществ; F20–F29 Шизофрения, шизотипические и бредовые расстройства; F30–F39 (Аффективные) расстройства настроения. Депрессивный эпизод после преступления (F32); F40–F48 Невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства. К ним относят различные виды невротических расстройств, связанных со стрессом; F50–F59 Поведенческие синдромы, связанные с физиологическими нарушениями и физическими факторами; F60–F69 Расстройства зрелой личности и поведения у взрослых. В частности, сексуальные девиации; F64–F66 Тревожное расстройство личности (F60.6), Пограничное расстройство личности (F60.31), Истерическое расстройство личности (F60.41); F70–F79 Умственная отсталость и умственная отсталость в легкой степени; F80–F89 Расстройства психологического развития; F91 Расстройства поведения; F92 Депрессивное расстройство.

Таким образом, следует не забывать, что перед назначением СПФЭ нужно в первую очередь анализировать не показания потерпевшего лица, а его психическое состояние, для того чтобы заключение стало в последующем допустимым доказательством по делу, так как речь идет об экспертизе личности, а «непригодность объекта исследования» — это «невосполнимая недостаточность объекта, отсутствие в нем какого бы то ни было поддающегося выявля-

нию с помощью современных научных средств и методов отражения события, интересующего следователя (суд), или неполного (неадекватного) отражения этих событий в свойствах (признаках) объекта» [1, с. 134].

Литература

1. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2001. С. 134.
2. Введенский Г.Е., Сафуанов Ф.С., Каменсков М.Ю., Козлов И.С., Николаев А.Ю. Опрос с использованием полиграфа: психиатрические противопоказания // Российский психиатрический журнал. 2011. № 5. С. 31.
3. Каменсков М.Ю. Ограничения к применению психофизиологического метода диагностики парафилий у лиц с психическими расстройствами // Российский психиатрический журнал. 2012. № 5. С. 14.
4. Морозова М.В. Экспертиза способности давать показания: учебное пособие / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. 3-е изд. М.: Генезис, 2009. С. 522.
5. Психофизиологическое исследование при парафилиях / Г.Е. Введенский, Ф.С. Сафуанов, М.Ю. Каменсков [и др.] // Sveikatosmokslai. Health Sciences. 2012. Vol. 22. № 2. P. 85–90.
6. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Каменсков М.Ю. Особенности формирования образа объекта сексуального влечения и видов сексуальной активности у лиц с гомичидным сексуальным поведением // Психическое здоровье. 2006. № 9.
7. Шостакович Б.В. Расстройства личности. М., 2001. С. 236.
8. Floch, M. Limitation of the lie detector. In J. Crim. (ed.) Low Criminol. 1950, pp. 651–652.
9. Friedman, B.H. Autonomic specificity of discrete eivon and dimensions of affective space: a multivariate approach. Int. J. Psychophysiol. 2007. 143 p.
10. Heuer, R. Sexual behavior and security risk: background information for security personnel // Polygraph. 1996. № 3. 165 p.
11. Lykken, D. A study of anxiety in the sociopathic personality. Disser. Abstr. 1955. 795 p.
12. Orlansky, J. Assessment of lie detection capability. Technical Report. 1964. 62 p.
13. Raskin, D.C., Barland, G.H., Podlesny, I.A. Validity and reliability of detection of deception. Polygraph. 1977. 35 p.
14. Raskin, D.C., Hare, R.D. Psychopathy and detection of deception in a prison population. Psychophysiology. 1978. 126 p.
15. Ruilmann, C.J., Gulo, M.J. Investigation of autonomic responses in psychopathic personalities. South. Med. J. 1950. 953 p.

РЕФЕРАТИВНЫЙ ОБЗОР СТАТЬИ Р. НЕЛЬСОНА «НАУЧНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПОЛИГРАФЕ»* (ОКОНЧАНИЕ)

Хамзин Саид Рушанович,
специалист-полиграфолог, член Американской ассоциации полиграфологов,
член Британской и Европейской ассоциации полиграфологов
saidhamzin@gmail.com

В статье проводится обзор публикаций по исследованиям применения методики вопросов сравнения при проведении исследований на полиграфе. Рассматриваются все этапы проведения исследования на полиграфе; предлагается физиологическое и психологическое обоснование; приводятся данные о надежности полиграфа. Анализируются факторы, влияющие на точность получаемых данных. Исследование на полиграфе рассматривается как вероятностный и недетерминированный вид исследования, в котором используются как данные регистрации физиологических показателей, так и статистические методы.

Ключевые слова: полиграф, детекция лжи, проверка на полиграфе, обнаружение сигналов, анализ полученных данных, научное обоснование.

REVIEW OF THE ARTICLE OF R. NELSON “SCIENTIFIC BASIS FOR POLYGRAPH TESTING” (ENDING)

Khamzin Said R.,
Polygraph Examiner, Member of the American Polygraph Association,
Member of the British and European Polygraph Association

The article covers a review for comparison question polygraph testing. The review summarizes all aspects of the testing procedure and a proffer of the physiological and psychological basis for polygraph testing and polygraph accuracy information is summarized. Evidence is reviewed for threats to polygraph accuracy. The polygraph is described as a probabilistic and non-deterministic test, involving both physiological recording and statistical methods.

Key words: Polygraph, lie detection, signal detection, test data analysis, scientific basis.

Особенности физиологических реакций

Обсчет результатов исследования на полиграфе начинается с выявления подлежащих наблюдению и измерению физиологических реакций, которые коррелируют с ложью и которые могут быть объединены в эффективную диагностическую модель. Данные реакции включают в себя:

1) дыхание — изменение длины линии, продолжительность изменений либо стойкое снижение амплитуды дыхания в течение трех или более циклов, урежение частоты дыхания в течение трех или более циклов, временное увеличение базовой линии из трех или более циклов, а также задержку дыхания;

2) электродермальную активность — наблюдаемое и измеряемое как увеличение проводимости кожи — вертикальное увеличение амплитуды;

3) сердечно-сосудистую активность — повышение артериального давления, увеличение продолжительности реакции, урежение пульса и изменение наполняемости сосудов — наблюдаемое как вертикальное увеличение амплитуды.

Численное преобразование

Отрицательные баллы присваиваются в тех случаях, когда величина реакции на проверочные вопросы превосходит величину реакции на вопросы сравнения. И наоборот — положительные баллы присваиваются в тех случаях, когда величина реакции на вопросы сравнения превосходит величину реакции на проверочные вопросы.

Как правило, вегетативные реакции живых обследуемых на проверочные вопросы обладают большей степенью выраженности, чем их реакции на вопросы сравнения, в то время как реакции правдивых обследуемых на вопросы сравнения обладают большей степенью выраженности, чем их реакции на проверочные вопросы.

Было установлено, что обнаружение лжи в тестах по МВС связано не с наличием или отсутствием реакции на проверочный вопрос и не со степенью ее выраженности, а с разницей в реакциях на проверочный вопрос и вопрос сравнения [4].

* Оригинал статьи: Nelson, R. (2015) Scientific Basis for Polygraph Testing. Polygraph. № 44 (1), pp. 28–61. Авторское право принадлежит Американской ассоциации полиграфологов, перевод и перепечатка выполнены с разрешения ассоциации. Реймонд Нельсон — председатель правления Американской ассоциации полиграфологов, автор множества публикаций и исследований по различным сферам применения полиграфа, руководитель программ подготовки полиграфологов. Выступает как докладчик на международных конференциях. Привлекался в качестве эксперта в области полиграфологии и психотерапии к судебным разбирательствам.

Баллы для принятия решений и эталонные значения

Результаты балльного обсчета проведенного исследования сопоставляются с таблицей так называемых проходных баллов. Значения проходных баллов привязаны к эталонным значениям, с помощью которых полученный результат можно отнести к категориям «ложь», «правда» или к неопределенному результату. Проведенные исследования подтвердили преимущества использования итоговой суммы баллов. Наряду с этим иногда используются также и промежуточные суммы баллов.

Правила принятия решения

После проведения балльного обсчета суммируются промежуточные результаты предъявлений каждого отдельного проверочного вопроса. После чего промежуточные результаты суммируются, и получается итоговая сумма баллов, необходимая для интерпретации результатов.

Использование итоговой суммы баллов при принятии решения по однозадачным диагностическим исследованиям позволяет максимально точно оценить их результаты [4].

В соответствии с *Правилом итоговой суммы* необходимо сравнить итоговую сумму баллов с таблицей проходных баллов для итоговой суммы. Соответствующий вывод делается, если итоговая сумма баллов равна или превосходит проходные баллы.

Правило двух этапов позволяет использовать промежуточные результаты для принятия решения в случае неопределенного результата [28]. В этом случае промежуточные результаты сопоставляются с проходными баллами, которые были откорректированы с учетом ложноположительных ошибок.

В скрининговых многозадачных исследованиях *Правило итоговой суммы* при оценке результатов не применяется, за редкими исключениями. Промежуточные результаты предъявлений каждого отдельного проверочного вопроса сравниваются со значением проходных баллов для промежуточной суммы (далее — *Правило промежуточной суммы*) [11].

Данный подход не так эффективен, когда требуется точно определить, при ответах на какой именно или на какие именно вопросы солгал обследуемый. Вероятно, причина заключается в том, что от обследуемого требуется сосредоточиться на нескольких не связанных между собой вопросах одновременно, а также в математической и статистической сложности, возникающих вследствие объединения разных по степени выраженности и индивидуальным характеристикам реакций. Степень выраженности реакций на разные проверочные вопросы многозадачных исследований также различается. По этим причинам итоговый вывод о правдивости или лживости обследуемого всегда делается на основании результатов исследования в целом, а не отдельных его частей [6]. Вывод о лжи делается в том случае, когда присутствует выраженная реакция хотя бы на один из проверочных вопросов. Для вывода о правдивой информации необходимо, чтобы не было выраженной реакции ни на один из проверочных вопросов.

Физиологические основы исследований на полиграфе

Современные модели по интерпретации результатов исследований на полиграфе, в отличие от ранних, которые полагались исключительно на распознавание и наблюдение за изменениями в физиологических реакциях, учитывают только те физиологические характеристики, которые поддаются измерению и коррелируют на статистически значимом уровне с различиями в реакциях, связанных с правдой или ложью [19].

Используются три основные измерительные составляющие: два датчика дыхательной активности (грудной и брюшной), датчики для записи вегетативной активности в ладонях или расположенных рядом областях и датчики, регистрирующие изменения в работе сердечно-сосудистой системы. Датчики, регистрирующие наполняемость сосудов, являются вспомогательным компонентом. Опытным путем было доказано, что балльный обсчет данных, полученных с их помощью, коррелирует с сообщаемой обследуемыми правдивой или ложной информацией [4].

В основе физиологических реакций во время исследований на полиграфе по методике вопросов сравнения лежит ответ вегетативной нервной системы [7].

Вегетативная нервная система регулирует такие процессы, как сердечный ритм, дыхание, слюноотделение, потоотделение, а также другие виды непроизвольных рефлекторных реакций. Данные реакции легко поддаются наблюдению и регистрации с помощью датчиков полиграфа.

Данные электродермальной активности являются сильным индикатором возбуждения симпатической нервной системы и наиболее важным и надежным показателем, влияющим на результат тестов по МВС [5].

Корреляция реакций активности сердечно-сосудистой системы ниже, чем у электродермальной активности, но выше, чем у дыхательной активности [14].

Показатели дыхательной активности наиболее подвержены искажению вследствие движений обследуемого. Данные, полученные с помощью этого параметра, обладают самой низкой ценностью при обсчете результатов исследования [15]. При использовании ВСУЛ данные дыхательной активности обладают низкой диагностической ценностью.

Преднамеренная физическая активность может повлиять на надежность данных. Для борьбы с мерами противодействия были разработаны датчики двигательной активности, способные распознать и зарегистрировать скрытую и явную физическую активность [24].

Психологические основы исследований на полиграфе

Ранее полиграфологи объясняли принцип работы полиграфа как следствие реакции «бей или беги» (fight or flight) [8]. Ее суть заключается в том, что обследуемый сосредоточит свое внимание и продемонстрирует физиологическую реакцию в ответ на вопрос, который представляет наибольшую непо-

средственную угрозу для выживания и благополучия. В настоящее время данная модель считается недостаточной как для объяснения реакции во время исследования на полиграфе, так и для описания реакции на стресс в целом.

Реакции во время исследования на полиграфе могут быть объяснены в рамках концепций классической теории условных рефлексов [26], а также теории научения, включая концепции сенсibilизации и адаптации [12]. Теория научения предполагает однонаправленную выработку условного рефлекса в ответ на условный раздражитель — стимульные вопросы. Тщательно проведенное предтестовое интервью дает возможность правдивому обследуемому адаптироваться к стимульным вопросам, в то время как для лживого обследуемого эти вопросы будут действовать в качестве условного раздражителя.

Когнитивно-поведенческая теория, которая включает в себя познание, эмоции и поведенческое/опытное научение в качестве основы физиологической реакции, была также предложена в качестве гипотезы, объясняющей такое явление, как проверка на полиграфе [18].

Обобщение когнитивно-поведенческой модели применительно к ситуации проверки на полиграфе свидетельствует о том, что говорить правду — это гораздо более простая когнитивная и эмоциональная задача, чем говорить неправду. Вследствие чего физиологические реакции на повторяющуюся последовательность стимульных вопросов будут распределены в соответствии с разными типами стимульных вопросов в зависимости от сообщаемой правды или лжи. В основе данных реакций лежит происходящий в сознании, памяти, эмоциях и рефлекторной деятельности процесс, наблюдаемый в виде реакций.

Точность проверок на полиграфе

Многочисленные научные исследования оценивают точность исследований на полиграфе как превышающую 90% [16].

В недавнем обзоре разновидностей форматов МВС сообщалось о средней точности разных видов диагностических исследований как 89% и 90%. Для многозадачных исследований средний показатель точности указан как 85%.

Диагностические однозадачные исследования обладают большей точностью, чем многозадачные. Последние содержат несколько независимых друг от друга критериев (т.е. человек может солгать на один или несколько вопросов, но в то же время говорить правду на другие вопросы). В случае с многозадачными исследованиями также существует необходимость концентрировать внимание одновременно на нескольких стимульных вопросах.

Суммарная точность обнаружения обмана для диагностических исследований составляет 85%, суммарная точность обнаружения правды в диагностических исследованиях составляет 77%.

В метааналитическом исследовании, с использованием подтвержденных результатов 8975 лабораторных и практических исследований, были приведены данные об ошибках (погрешностях) диагностических тестов. Количество ложноотрицательных результатов

(т.е. лживые обследуемые, которые успешно прошли полиграф) составило 8%. Количество ложноположительных (т.е. тех, кто говорил правду, и не прошел полиграф) результатов составило 12%. Неопределенный результат среди лживых обследуемых составил 9% случаев, у правдивых — 13%.

Точность определения обмана для многозадачных скрининговых исследований составила 77%. Точность определения правды — 72%.

Данные об ошибках (погрешностях) многозадачных тестов были рассчитаны на основе подтвержденных результатов 1194 лабораторных и практических исследований. Количество ложноотрицательных результатов составило 11%. Количество ложноположительных результатов — 14%. Неопределенный результат среди лживых обследуемых составил 11%, у правдивых — 14%.

Прогностическая ценность положительного результата (ПЦПР) для диагностических исследований, то есть вероятность, что интерпретированный в качестве положительного результат исследования является верным, составила 89%. Прогностическая ценность отрицательного результата (ПЦОР), то есть вероятность, что интерпретированный как отрицательный результат исследования является верным, составила 91%.

Для скрининговых исследований ПЦПР составила 83%, в то время как ПЦОР составила 88%.

Таким образом, точность результатов диагностических исследований составляет более 81% в исследованиях с положительным результатом (в ходе которых была обнаружена ложь) и более 82% в исследованиях с отрицательным результатом (в ходе которых была обнаружена правда). В то время как для скрининговых исследований точность составила более 71% в исследованиях с положительным результатом и более 88% в исследованиях с отрицательным результатом [4].

Проблемы относительной точности исследований на полиграфе

Исследования на полиграфе носят вероятностный характер. Они не являются ни детерминированным наблюдением, ни физическим измерением, то есть они несовершенны. Ни одно подобное исследование не может быть полностью застраховано от ошибок или от факторов, угрожающих его точности.

Ранее специалисты обращали внимание на снижение точности при исследовании на полиграфе лиц с хроническими психическими заболеваниями, лиц с низкими интеллектуальными способностями [1], а также подростков в зависимости от уровня их функциональной зрелости.

Многочисленные научные исследования, проведенные за последние 50 лет преимущественно среди заключенных с высоким уровнем баллов, соответствующих психопатии (Pd) по шкале ММРІ (Миннесотский многоаспектный личностный опросник), последовательно опровергают возможность влияния этого фактора на точность полиграфа [25].

Таким образом, точность исследований на полиграфе лиц с психопатическими чертами характера ничем не отличается от точности исследований лиц

без таких черт. Несмотря на это, общество и СМИ склонны считать, что человек «победил» полиграф даже в том случае, если в процессе исследования была допущена ошибка.

Не обнаружено доказательств в поддержку утверждения о том, что точность исследований на полиграфе, проведенных по адвокатскому запросу, ниже, чем точность исследований, проведенных специалистами — сотрудниками правоохранительных органов [16].

Меры противодействия полиграфу вызывают все больше опасений в профессиональном сообществе, поскольку специалисты не всегда могут отличить попытки противодействия от иных артефактов. Было обнаружено, что нередко как лживые, так и правдивые обследуемые используют меры противодействия спонтанно.

Подчеркивается эффективность использования психических мер противодействия при применении теста на знания виновного (в русскоязычной литературе: методика выявления скрываемой информации. — *Прим. Х.С.*) [17].

Существуют датчики, предназначенные для контроля за активностью соматической/поведенческой нервной системы, которые устойчивы к реакциям вегетативной нервной системы. Было установлено, что применение этих датчиков помогает исключить подозрение в использовании мер противодействия, поскольку предполагается, что во время осуществления данных мер наблюдается активность как соматической, так и вегетативной нервных систем. Соответственно, отсутствие соматической активности будет свидетельствовать в пользу истинности и естественного характера получаемых данных [24].

Обычно меры противодействия направлены на подавление или увеличение реакций (чтобы результат интерпретировался как неопределенный) либо на увеличение реакций на вопросы сравнения.

Эффективное использование мер противодействия требует от обследуемого таких навыков, как различение проверочных вопросов и вопросов сравнения, контроль и регуляция собственных физиологических реакций, а также умения успешно скрывать от специалиста факт противодействия. Поэтому утверждения о возможности без труда обучить способам «победить» полиграф и полиграфолога требуют заслуживающих доверия научных доказательств. До настоящего времени такие доказательства отсутствуют. Обзор литературы, проведенный Национальным советом по исследованиям США в 2003 г., не смог подтвердить утверждение об эффективности мер противодействия МВС [20]. Однако это не может считаться свидетельством в пользу непогрешимости полиграфа.

Роль полиграфа при вынесении профессионального суждения

В попытке количественно оценить значение и вклад полиграфа при вынесении профессионального суждения было произведено сравнение точности результатов решений, принятых с учетом и без учета данных полиграфа. В результате удалось выяснить, что при вынесении суждений с использованием диа-

гностических исследований точность повысилась в 27 раз по сравнению с вынесением суждений без применения полиграфа.

Недавние скрининговые исследования продемонстрировали значительное увеличение точности при вынесении профессионального суждения как при выявлении обмана, так и при подтверждении правды [13]. Это говорит о том, что использование исследований на полиграфе, несмотря на их вероятностный характер и несовершенство, имеет потенциал для повышения эффективности при вынесении профессиональных суждений.

Заключение

Доказательства, подтверждающие научную обоснованность применения полиграфа, свидетельствуют как с научной, так и с практической точки зрения о целесообразности применения указанного метода различения правды и лжи. Имеющиеся данные могут описать и объяснить практически все аспекты исследований на полиграфе, в том числе общую теорию, процедуру исследования, теорию принятия решений, теорию обнаружения сигнала, точность исследований, уязвимость к воздействию мер противодействия, наряду с основами возникновения психологических и физиологических реакций в ответ на стимулы.

Информация о допустимых погрешностях в исследованиях на полиграфе и статистической значимости их результатов позволяет профессиональному сообществу и заказчикам исследований сделать обоснованные выводы о значении и пользе результатов данного вида исследований.

Используемые в качестве аргумента противниками полиграфа опасения относительно ложноположительных результатов и отсутствия совершенной методики не являются оправданными, поскольку, в контексте научных исследований, не существует идеальной методики, которая не была бы подвержена неконтролируемым отклонениям, таким как поведение человека и вероятность случайной ошибки.

В то время как ложноположительные ошибки могут быть выявлены и устранены с помощью проведения дополнительных тестов и исследований, выявление ложноотрицательных ошибок иногда не представляется возможным до тех пор, пока проблема не обострилась до такой степени, когда она начинает оказывать непосредственное влияние на жизни людей и их будущее.

Не менее важно помнить, что ни результаты исследования на полиграфе, ни результаты какого-либо другого вида исследований не должны использоваться в качестве единственного основания для принятия решений, которые затрагивают права и свободы человека.

Необходимы новые исследования и получение теоретической и практической информации о применении полиграфа. Теория является удовлетворительной, пока она соответствует изученным явлениям. Появление каких-либо новых фактов и доказательств, которые не учитываются существующими ныне теоретическими конструкциями, следует рассматривать как требование пересмотреть имеющиеся знания.

В настоящее время ведется активная работа по обнаружению уязвимых мест в исследованиях на полиграфе и использованию методов выявления и нейтрализации противодействия.

Хотя для удобства часто используется термин «детектор лжи», наука не считает, что полиграф действительно способен определить ложь как таковую. Все результаты исследований носят вероятностный характер. Ложь не может быть подвергнута детерминированному наблюдению и измерению ее натуральной величины. В действительности принципы физиологии и психологии носят достаточно сложный, изменчивый характер, вероятностная модель является необходимой и неизбежной [21].

Литература

1. Abrams, S., Weinstein, E. (1974) The validity of the polygraph with retardates. *Journal of Police Science and Administration*, № 2, 397-66.
2. American Polygraph Association (2009a). Model Policy for Post-conviction Sex Offender Testing. [Electronic resource]. Available at: <http://www.polygraph.org> (Accessed 25.01.2012).
3. American Polygraph Association (2009b). Model Policy for Law Enforcement Public Services Pre-Employment Screening Examinations [Electronic resource]. Available at: <http://www.polygraph.org> (Accessed 25.01.2012).
4. American Polygraph Association (2011b). Meta-analytic survey of criterion accuracy of validated polygraph techniques. *Polygraph*, № 40 (4), pp. 196–305.
5. Ansley, N., Krapohl, D.J. (2000) The frequency of appearance of evaluative criteria in field polygraph charts. *Polygraph*, № 29, pp. 169–176.
6. Barland, G.H., Honts, C.R., Barger, S.D. (1989) Studies of the accuracy of security screening polygraph examinations. DTICAD Number A304654. Department of Defense Polygraph Institute.
7. Bear, M.F., Barry, W.C., Paradiso, M.A. (2007) *Neuroscience: Exploring the brain: Third Edition*. Philadelphia, PA: Lippincott Williams & Wilkins.
8. Bracha, H.S., Ralston, T.C., Matsukawa, J.M., Williams, A.E., Bracha, A.S. (2004) Does «Fight or Flight need updating? *Psychosomatics*, № 45 (5), pp. 448–449.
9. Bradley, M.T., Janisse, M.P. (1981) Accuracy demonstrations, threat, and the detection of deception: Cardiovascular, electrodermal, and pupillary measures. *Psychophysiology*, № 18, pp. 307–315.
10. Department of Defense (2006a). Federal psychophysiological detection of deception examiner handbook. Reprinted in *Polygraph*, № 40 (1), pp. 2–66.
11. Department of Defense (2006b). Test data analysis: DoDPI numerical evaluation scoring system [Electronic resource]. Available at: <http://www.antipolygraph.org> (Accessed 31.03.2007).
12. Domjan, M. (2010) *Principles of learning and behavior*, 6th edition. Cengage/Wadsworth.
13. Handler, M., Honts, C., Nelson, R. (2013) Information gain of the Directed Lie Screening Test. *Polygraph*, № 42, pp. 192–202.
14. Handler, M., Reicherter, J. (2008) Respiratory blood pressure fluctuations observed during polygraph examinations. *Polygraph*, № 37 (4), pp. 256–262.
15. Harris, J.C., Olsen, D.E. (1994) Polygraph Automated Scoring System. Patent Number: 5, 327, 899. U.S. Patent and Trademark Office.
16. Honts, C.R., Peterson, C.F. (1997) Brief of the Committee of Concerned Social Scientists as Amicus Curiae United States v. Scheffer. Available from the author.
17. Honts, C.R., Winbush, M., Devitt, M.K. (1994) Physical and mental countermeasures can be used to defeat guilty knowledge tests. *Psychophysiology*, № 31, p. 57.
18. Kahn, J., Nelson, R., Handler, M. (2009) An exploration of emotion and cognition during polygraph testing. *Polygraph*, № 38, pp. 184–197.
19. Kircher, J.C., Kristjansson, S.D., Gardner, M.K., Webb, A. (2005) Human and computer decision-making in the psychophysiological detection of deception. University of Utah.
20. National Research Council (2003). *The polygraph and lie detection*. Washington, D.C.: National Academy of Sciences.
21. Nelson, R. (2014e) What does the polygraph measure? *APA Magazine*, № 47 (6).
22. Nelson, R., Handler, M. (2010) Empirical scoring system: NPC quick reference. Lafayette Instrument Company. Lafayette, IN.
23. Nelson, R., Handler, M., Morgan, C. (2012) Criterion validity of the directed lie screening test and the empirical scoring system with inexperienced examiners and non-naive examinees in a laboratory setting. *Polygraph*, № 41 (3), pp. 176–185.
24. Ogilvie, J., Dutton, D. (2008) Improving the detection of physical countermeasures with chair sensors. *Polygraph*, № 37 (2), pp. 136–148.
25. Patrick, C.J., Iacono, W.G. (1989) Psychopathy, threat and polygraph test accuracy. *Journal of Applied Psychology*, № 74, pp. 347–355.
26. Pavlov, I.P. (1927) *Conditioned reflexes: An investigation of the physiological activity of the cerebral cortex*. Sage Publications Inc. 2009.
27. Schonhoff, T.A., Giordano, A.A. (2006) *Detection and estimation theory and its applications*. New Jersey: Pearson Education.
28. Senter, S.M., Dollins, A.B. (2008) Optimal decision rules for evaluating psychophysiological detection of deception data: an exploration. *Polygraph*, № 37 (2), pp. 112–124.

ПОНЯТИЕ ПСИХИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Воробьев Сергей Михайлович,
профессор кафедры теории государства и права,
международного и европейского права,
доктор юридических наук, доцент
sergey.vorobev.78@inbox.ru

Настоящая научная статья посвящена проблемам понятия психического насилия, в ней рассматриваются вопросы взаимосвязи различных способов причинения психического насилия потерпевшим, используемых российским уголовным законодательством. Кроме этого, в статье приводятся характерные особенности нормативно-правового действия института психического насилия в системе российского уголовного права. Автор на основе изучения мнения различных ученых в этой сфере приходит к выводу о необходимости законодательного закрепления определения понятия психического насилия и предлагает тем самым свои определения «психического насилия индивидуально-социального уровня и общесоциального уровня». В работе использовались современные общенаучные и специальные методы познания: анализ, синтез, историко-правовой, структурно-функциональный, нормативно-логический, комплексный. Научная новизна работы заключается в рассмотрении института психического насилия с учетом его законодательного регулирования и уровня распространения. При этом настоящая статья отражает субъективную позицию автора по данной проблематике.

Ключевые слова: психическое насилие, принуждение, вред, преступления, воздействие.

THE CONCEPT OF MENTAL VIOLENCE: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Vorobyov Sergey M.,
Assistant Professor of the Department of Theory of State and Law
International and European Law,
Doctor of Law, Assistant Professor

The present research article is devoted to the concept of psychological violence, it considers the issues of interconnection of various ways causing psychological violence to the victims, used by the Russian criminal law. In addition, the article provides characteristic features of the regulatory action Institute of mental violence in the Russian criminal law. The author based on the study of opinions of various scholars in this field comes to the conclusion about the necessity of legislative consolidation of the definition of psychological violence and offers, thus their definition of mental violence individual-social level and society-wide level. The paper used is modern, scientific and special methods of cognition: analysis, synthesis, historic-legal, structural-functional, normative, logical, complex. Scientific novelty of the work consists in the consideration of Institute mental of violence with regard to its legal regulation and level of distribution. While the article reflects the subjective position of the author on the subject.

Key words: mental violence, coercion, harm, crime, effects.

Действующим Уголовным кодексом Российской Федерации, вступившим в силу с 1 января 1997 года согласно Федеральному закону от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации»¹, в сравнении с прежним УК РСФСР 1960 года, приводятся оптимальные варианты формулировок тех или иных составов насильственных преступлений с более детальным описанием признаков их объективной стороны². При этом законодателем для конструирования правовых норм использовалась объемная база юридических терминов и словосочетаний, непосредственно касающихся и принудительного воздействия в виде психического насилия, например, такого как психическое при-

нуждение, расстройство, психические страдания, психотравмирующая ситуация, совершение преступления: с применением насилия или с угрозой его применения, иного насилия; в целях воздействия на кого(чего)-нибудь; в силу иной зависимости. Физическое или психическое принуждение признается обстоятельством: исключая (при определенных условиях) уголовную ответственность (ст. 40 УК РФ), смягчающим (ст. 61) или отягчающим (ст. 63 УК РФ) наказание. Вместе с тем законодатель не приводит определения понятий принуждения и насилия, в том числе таких видов последнего, наиболее чаще называемых в составах преступлений как физическое и психическое насилие, применяемое относительно объектов уголовно-правовой охраны — личности, общества, государства.

Создавшееся положение вызывает неоднозначность понимания терминов и, соответственно, употребления их при трактовании, в частности, тер-

¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² См.: Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общий комментарий. Сравнительная таблица: науч.- практ. пособие. М., 1996. С. 27.

мина «психическое принуждение», ассоциируемого с термином «психическое насилие». Вследствие этого происходит утрачивание термином «психическое принуждение» своего отличительного свойства — общезначимости, то есть использование его в обыденном смысле и понимании всеми, что находит подтверждение и в тексте кодекса, и в издаваемых комментариях к нему ученых-юристов, и других научных работах.

Например, в Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации, выпущенном издательством «Юрист» в 1997 году, в постатейных пояснениях, нередко используется термин «психическое насилие», в частности, в комментариях ст. 107 «Убийство, совершенное в состоянии аффекта» отмечается, что насилие — физическое и психическое, а равно тяжкое оскорбление, вызывающее состояние сильного душевного волнения, по своему характеру должны быть противозаконными. При этом уточняется, что психическое насилие выражается в угрозе причинить физическое насилие, огласить заведомо клеветнические, позорящие сведения и тому подобных действиях; в ст. 163 «Вымогательство» отмечается, что при вымогательстве, совершенном с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, таковое является формой выражения психического насилия, подкрепляющего угрозу применить более серьезное насилие в случае отказа выполнить вымогательские требования; ст. 335 «Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности» разъясняет, что нарушение таких правил, сопряженное с насилием, выражается в психическом и физическом насилии, включающем в себя и угрозы физической расправы³. Раскрывая содержательные отличия Особенной части УК РФ 1996 года от УК РСФСР 1960 года, Л.Д. Гаухман и С.В. Максимов в названной работе, в частности, отмечают, что нормы об ответственности за преступления в сексуальной сфере (ст. 132, 133 УК РФ) служат интересам защиты любого лица от всяких сексуальных действий, совершаемых с психическим или физическим насилием⁴.

Представляется, что разногласие мнений по вопросу применения понятий «психическое принуждение» и «психическое насилие» вызвано более объемным содержанием последнего. Косвенно это подтверждается и самим законодателем, использующим в составах насильственных преступлений словосочетания «иная зависимость», «иное насилие», подразумевающие, несомненно, и психическое насилие. Такое положение является, вероятнее всего, результатом совокупного восприятия уголовным законодательством Российской Федерации, как и УК РСФСР 1926 и 1960 годов, двух систем юридической конструкции составов преступлений — принуждения и насилия.

Таким образом, анализ содержания, определения и использования понятия насилия (принуждения), в том числе психического, в современном российском законодательстве показывает:

— во-первых, более широкий объем содержания понятия насилия в сравнении с понятием принуждения, о чем свидетельствуют наравне с угрозой иные формы проявления противоправного психического воздействия, в частности психического насилия;

— во-вторых, отсутствие нормативно-материального определения понятия насилия, в том числе психического, однако при этом в составах преступлений насильственной направленности имеют место объективные и субъективные признаки, характеризующие деяние (поведение), совершенное вследствие принудительного воздействия на психику человека, как умышленное незаконное или противоправное, причиняющее вред интересам личности (жизни или здоровью) и обществу или угрожающее причинением такого вреда (по сути, это являет собой признак общественно опасного деяния). При наступлении общественно опасных последствий в результате совершенного преступления под воздействием непреодолимой силы (природные катастрофы, нападение животных), согласно российскому уголовному законодательству, уголовная ответственность исключается;

— в-третьих, широкое использование понятия «насилие» при формировании составов преступлений, что говорит о его применении не только как дополнительного, но и в качестве одного из основных понятий, употребляемых в действующем отечественном уголовном законодательстве.

Основываясь на том, что психическое насилие граждан напрямую связано с совершением преступлений, рассмотрим характерные особенности данного явления. При этом отметим, что неоднозначное суждение сути психического насилия вызывает наличие различных позиций, взглядов ученых по поводу его формулировки. Кроме того, обширное количество научных точек зрения на содержание психического насилия порождает непрекращающуюся научную дискуссию, что предполагает, по нашему мнению, разработку его формально-материального определения, закрепление психического насилия в российском уголовном законодательстве в качестве самостоятельной уголовно-правовой категории, законодательное отражение наряду с угрозой иных форм проявления психического насилия по отношению к объектам уголовно-правовой охраны.

Большинство авторов научных работ, в которых поднимаются вопросы, касающиеся психического насилия, связывают его только с индивидуальным воздействием (посягательством) на психическую сферу человека, влекущим за собой ее нарушение посредством причинения психической травмы или психического вреда.

Так, Р.А. Левертова под психическим насилием понимает устрашение потерпевшего, т.е. общественно опасное, принудительное воздействие на его психику, выраженное в угрозе причинить какие-либо лишения самому потерпевшему или его близким. Психическое насилие выражается в угрозах причинить физический, моральный, имущественный вред, лишить каких-то благ, ограничить в волеизъявлении. Поэтому угроза — единственная форма психического насилия⁵.

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.В. Наумов. М., 1997. С. 288, 423, 769.

⁴ См.: Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Указ. соч. С. 35.

⁵ См.: Левертова Р.А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву. Омск, 1978. С. 10–11.

В.И. Симонов и В.Г. Шумихин считают, что психическое насилие — это воздействие на потерпевшего, осуществляемое посредством запугивания применением физической силы. Психическое насилие по объему уже понятия угрозы и представляет его часть⁶.

По мнению Е.Н. Бархатовой, психическое насилие есть умышленное противоправное общественно опасное воздействие на психику человека, осуществляемое помимо его воли либо вопреки ей. К видам психического насилия относятся угроза, обман, оскорбление, управляемое воздействие на психику, издевательство (как путем физического воздействия, так и путем воздействия на психику) на глазах у потерпевшего над близкими ему людьми, связанное с их мучениями, демонстрация жестокого обращения с животным⁷.

Психическое насилие, как считает Р.Д. Шарапов, это преступное посягательство на психическую безопасность человека в виде умышленного неправомерного причинения психического вреда потерпевшему вопреки его воле⁸.

Л.В. Сердюк определяет психическое насилие как умышленное и общественно опасное воздействие на психику человека, осуществляемое против или помимо его воли информационным или внеинформационным путем и способное подавить волеизъявления или причинить психическую травму⁹.

С точки зрения К.В. Безручко, психическое насилие представляет собой противоправное информационное непосредственное или опосредованное воздействие на психику одного лица, целью которого является подавление его воли, либо принуждение к отдельным действиям, выгодным виновному, а равно действия, характеризующиеся реальной возможностью причинения вреда охраняемым законом интересам, сопровождаемые психическим воздействием на лицо¹⁰.

По мнению Е.В. Никитина, под психическим насилием следует понимать противоправное, умышленное оказание воздействия на психическую сферу другого человека путем выражения угроз либо иным способом для подавления его волеизъявления, вследствие чего нарушаются права и свободы либо ограничивается психическая свобода этого человека¹¹.

В.А. Бурковская полагает, что психическое насилие — это всегда воздействие вопреки (и помимо) воле объекта психологического воздействия, направленное на изменение установок, мнений, а самое

главное — его поведения в соответствии с волей, намерениями субъекта психологического воздействия. Психическое насилие направлено на формирование такого психического состояния, при котором индивид теряет возможности адекватно оценивать происходящее, анализировать информацию из внешнего мира, а значит, свободно и осознанно руководить своим поведением: выбирать цели, средства и пути их достижения¹².

По убеждению А.Д. Чернявского, психическое насилие есть умышленное, общественно опасное противоправное воздействие на психику и, соответственно, на поведение другого человека, совершенное помимо или против его воли в целях подавления свободы волеизъявления и (или) причинения психической травмы¹³.

Согласно предложению Ф.Б. Гребенкина, под психическим насилием следует понимать воздействие информационного характера на психику человека различными способами, вызывающими у него эмоции страха или гипнотическое состояние, что подавляет его волю и ограничивает способность к свободному самовыражению¹⁴.

По обоюдному мнению В.В. Векленко и Е.Н. Бархатовой, психическое насилие в уголовно-правовом смысле представляет собой умышленное целенаправленное противоправное общественно опасное воздействие на психику человека, осуществляемое помимо или против его воли, которое может повлечь негативные последствия для жизни и здоровья или создать угрозу возникновения таких последствий¹⁵.

При всем многообразии мнений об истолковании понятия психического насилия нам более импонирует точка зрения Л.В. Сердюка, который считает, что сведение психического насилия только к угрозам причинения лицу физического вреда представляется неверным, так как оставляет за рамками правовой защиты граждан от множества других способов насильственного причинения им психических травм и незаконного воздействия на их волю¹⁶.

Вместе с тем мы полностью согласны с мнением Ю.М. Антоняна о том, что психическое насилие способно разрушить и психологическую целостность социальной группы, большой или малой, со всеми вытекающими отсюда последствиями для каждого ее члена¹⁷. При этом профессор Ю.М. Антонян подразделяет психическое насилие на две группы. В первую входят угрозы жизни и здоровью самих потерпевших, их близких либо иных лиц. Сюда относятся угрозы при изнасиловании, захвате заложников, разбое, вы-

⁶ См.: Симонов В.И., Шумихин В.Г. Квалификация насильственных посягательств на собственность. М., 1993. С. 21.

⁷ См.: Бархатова Е.Н. Преступления против собственности, совершаемые с применением психического насилия: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. С. 31.

⁸ См.: Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 12.

⁹ См.: Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 9.

¹⁰ См.: Безручко К.В. Понятие преступлений, связанных с применением насилия и вопросы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. С. 14.

¹¹ См.: Никитин Е.В. Корыстно-насильственные преступления против собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. С. 10.

¹² См.: Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. М., 2005. С. 96–97.

¹³ См.: Чернявский А.Д. Психическое насилие при совершении корыстных преступлений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 21.

¹⁴ См.: Гребенкин Ф.Б. Уголовно-правовое значение психического насилия в преступлениях против собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 4.

¹⁵ См.: Векленко В.В., Бархатова Е.Н. Психическое насилие как средство совершения преступлений: проблемы квалификации // Современное право. 2013. № 7. С. 134–137.

¹⁶ См.: Сердюк Л.В. Указ. соч. С. 18.

¹⁷ См.: Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество: монография. М., 2001. С. 34.

могательстве, угоне транспортных средств, понуждении к даче ложных показаний и некоторые другие, где угроза физическим насилием прямо указана в диспозициях соответствующих уголовно-правовых норм в качестве одного из способов совершения данных преступлений, либо хотя угроза и не конкретизирована, но аналогичное ее содержание подразумевается. Во вторую группу включаются угрозы при шантаже и вымогательстве, не направленные против жизни и здоровья¹⁸.

С учетом приведенных позиций ученых по определению психического насилия его следует рассматривать, на наш взгляд, как на индивидуальном, так и на общесоциальном уровнях. Исходя из этого, нами предпринята попытка формулирования определения психического насилия в зависимости от его уровня направленности.

Психическое насилие индивидуально-социального уровня представляет собой умышленное противоправное общественно опасное действие (бездействие), сопровождаемое вербальным или невербальным агрессивным воздействием на человека, направленным на деструктивное изменение его психики, и повлекшее необратимые последствия, связанные с причинением психического (морального) вреда.

Психическое насилие общесоциального уровня — непосредственное или опосредованное противоправное общественно опасное информационное воздействие на социальные группы, социальные институты и общество в целом, влекущее за собой дестабилизацию общественных отношений, приводящую к нарушению психического благополучия участников этих отношений.

Не претендуя на однозначность предлагаемых нами дефиниций психического насилия на индивидуальном и общесоциальном уровнях, полагаем целесообразными проведение дальнейшей, например медико-правовой, научной разработки как этих, так и других понятий, связанных с психическим насилием, в том числе «психических страданий», «психического вреда», степеней тяжести их последствий, а также выработку обоснованных предложений о соответствующих изменениях и дополнениях в российское уголовное законодательство в целях

его совершенствования, в частности, посредством нормативного определения понятия психического насилия и материальных признаков последнего для становления его в качестве самостоятельной уголовно-правовой категории.

Литература

1. Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество: монография. М., 2001. 247 с.
2. Антонян Ю.М. Преступная жестокость: монография. М., 1994. 216 с.
3. Бархатова Е.Н. Преступления против собственности, совершаемые с применением психического насилия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.Н. Бархатова. Омск, 2014. 170 с.
4. Безручко К.В. Понятие преступлений, связанных с применением насилия и вопросы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / К.В. Безручко. Ростов н/Д, 2007. 23 с.
5. Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. М., 2005. 216 с.
6. Векленко В.В., Бархатова Е.Н. Психическое насилие как средство совершения преступлений: проблемы квалификации // Современное право. 2013. № 7. С. 134–137.
7. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общий комментарий. Сравнительная таблица: науч.-практ. пособие. М., 1996. 241 с.
8. Гребенкин Ф.Б. Уголовно-правовое значение психического насилия в преступлениях против собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ф.Б. Гребенкин. М., 2004. 26 с.
9. Левертова Р.А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву. Омск, 1978. 103 с.
10. Никитин Е.В. Корыстно-насильственные преступления против собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.В. Никитин. Омск, 2002. 18 с.
11. Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Л.В. Сердюк. М., 1979. 23 с.
12. Симонов В.И., Шумихин В.Г. Квалификация насильственных посягательств на собственность. М., 1993. 68 с.
13. Чернявский А.Д. Психическое насилие при совершении корыстных преступлений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Д. Чернявский. М., 1991. 247 с.
14. Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Р.Д. Шарапов. Екатеринбург, 2006. 418 с.

¹⁸ См.: Антонян Ю.М. Преступная жестокость: монография. М., 1994. С. 54–55.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШИХ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Карагодин Валерий Николаевич,
заместитель директора Института повышения квалификации
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации
uc.ural@mail.ru

Вахмянина Наталья Борисовна,
заведующая кафедрой криминологии второго факультета
повышения квалификации (с дислокацией в городе Екатеринбурге)
Института повышения квалификации
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук
vakhm-natalya@narod.ru

В статье рассмотрены психологические особенности допроса потерпевших дошкольного возраста, обусловленные типичными свойствами личности допрашиваемых и содержанием ситуаций, складывающихся на момент получения показаний.

Ключевые слова: допрос, психология дошкольного возраста, психотравмирующее воздействие, следственная ситуация, приемы получения показаний.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF INTERROGATION OF PRE-SCHOOL VICTIMS

Karagodin Valery N.,
Deputy Director of the Institute for Continuing Education
of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
Doctor of Law, Professor
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Honored Officer of the Investigative Committee of the Russian Federation

Vakhmyanina Natalya B.,
Head of the Department of Criminology of the Second Faculty
of Advanced Training (located in Yekaterinburg)
of the Institute for Continuing Education
of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences

In article the psychological features of interrogation of the victims of preschool age caused by typical properties of the personality interrogated and the maintenance of the situations developing at the time of obtaining indications are considered.

Key words: interrogation, psychology of preschool age, the psychoinjuring influence, investigative situation, methods of obtaining indications.

В последнее время появляется все большее количество публикаций, посвященных теме допроса несовершеннолетних. К сожалению, авторы статей и книг по этой проблематике ограничиваются общей ссылкой на возрастные особенности допрашиваемой категории, в лучшем случае ограничиваются указанием одного-двух свойств личности, типичных для несовершеннолетних вообще или принадлежащих к определенной возрастной группе.

Ряд авторов необоснованно приписывают всем несовершеннолетним такие свойства, как отсутствие

жизненного опыта, достаточных знаний, склонность к фантазированию и внушению¹.

Следует заметить, что дети некоторых возрастных групп вовсе не способны к фантазированию по при-

¹ См., например: Бойцов Ю.М. Проблемы противодействия преступлениям, совершаемым в отношении несовершеннолетних // Противодействие преступлениям, совершаемым несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних: материалы междунауч.-практ. конф. (Москва, 13 февраля 2015 г.) / под ред. А.И. Бастрыкина. М., 2015. С. 382.

чине отсутствия у них необходимых для этого знаний и жизненного опыта.

К сожалению, подобными недостатками отличаются и практические рекомендации по допросу несовершеннолетних потерпевших. Предпочтение отдается рекомендациям о применении норм уголовно-процессуального закона, устанавливающим специальные правила проведения допроса несовершеннолетних².

Получению показаний несовершеннолетних в проблемных ситуациях, характеризующихся затруднениями допрашиваемого, уделяется недостаточное внимание даже в специально подготовленных для следователей методических рекомендациях³. В некоторых из них предпринимаются попытки изложения психологии и тактики допроса довольно больших групп несовершеннолетних, например малолетних. К ним, как известно, относятся дети в возрасте до 14 лет. Среди них в психологии и педагогике выделяются разные группы, характеризующиеся отличающимися свойствами личности⁴.

Обоснованным в этой связи выглядит суждение о необходимости разработки приемов допроса несовершеннолетних различных возрастных групп, в том числе детей дошкольного возраста⁵.

В психологии и педагогике к последней из названных категорий несовершеннолетних относятся дети в возрасте от 3 до 7 лет.

При изучении уголовных дел авторам настоящей статьи не удалось выявить ни одного случая допроса несовершеннолетнего, не достигшего трехлетнего возраста. Это не означает, что в уголовном судопроизводстве не могут допрашиваться дети двухлетнего возраста и младше, способные к даче показаний.

Подготовка к допросу несовершеннолетнего потерпевшего указанной возрастной группы должна начинаться с определения возможностей пострадавшего давать показания вообще и в определенный период времени в частности.

Решение этого вопроса зависит от уровня развития свойств личности ребенка, обуславливающих полноту восприятия произошедшего с ним, адекватность оценки совершенного в отношении него деяния, а также запоминание и воспроизведение

обстоятельств предполагаемого посягательства. Другими словами, необходимо установить, обладает ли дошкольник способностями восприятия, запоминания и воспроизведения наблюдаемых событий.

Трудности восприятия и запоминания характерны в основном для детей младшего дошкольного возраста, достигших 3–5 лет. Они воспринимают и запоминают наблюдаемые события неравномерно, фрагментарно и произвольно.

Старшие дошкольники (6–7 лет) способны на концентрацию внимания в течение более продолжительного времени, удержание в памяти более объемных образов, наблюдавшихся действий, событий.

Они обладают большим запасом слов и более развитыми способностями воспроизведения воспринимавшихся объектов⁶.

Следует отметить, что приведенные характеристики разделяемых групп несовершеннолетних носят достаточно общий характер. В реальных же ситуациях пострадавшие дети могут обладать качествами, отличающимися от типичных для группы, к которой они принадлежат.

В научно-методических публикациях для изучения личности несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве рекомендуются допросы близких, педагогов, других лиц, знающих пострадавшего, изучение характеризующих его документов.

Названные и другие способности дошкольника позволяют оценивать гипотетическую возможность дачи им показаний об обстоятельствах расследуемого события. Однако в реальных ситуациях пострадавшие данного возраста, обладая указанными свойствами личности, тем не менее испытывают серьезные затруднения с описанием расследуемого события, умышленно дают ложные показания либо отказываются от дачи показаний.

Затруднения пострадавшего могут быть обусловлены дефектами восприятия дошкольником совершенного в отношении него посягательства, забыванием отдельных обстоятельств преступления, психотравмирующим влиянием на жертву криминального и посткриминального событий.

Дефекты восприятия заключаются в его неполноте, вызванной расположением, быстрым перемещением субъекта преступления относительно пострадавшего, отсутствием у него физической возможности наблюдать все обстоятельства произошедшего события. Дети анализируемой группы воспринимают и запоминают более яркие моменты, не замечая другие, нередко более важные⁷.

Погрешности восприятия увеличиваются, а процесс забывания усугубляется, если дошкольник не оценивает поведение субъекта посягательства не только как преступное, но и просто как запретное.

Необходимо оговориться, что такие потерпевшие обычно дают достаточно подробные показания, если

² Хмелева А.В. Процессуальные и тактические особенности производства допроса и других вербальных следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 1. С. 61–64; Байдавлетова Л.Р. Особенности произведения следственных действий с потерпевшим несовершеннолетнего возраста (на основании анализа уголовных дел) // Российский следователь. 2016. № 20. С. 3–6.

³ См.: Методические рекомендации по организации и ведению допроса несовершеннолетних в специализированном помещении на этапе следствия / Главное следственное управление Следственного комитета по г. Санкт-Петербургу. СПб., 2014.

⁴ Рекомендации по проведению допроса (опроса) несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на этапе следственных действий / Свердловская региональная общественная организация помощи семьям в трудной жизненной ситуации «Аистенок»; Межведомственная служба экспертного сопровождения семей с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации. Екатеринбург, 2016. С. 31–37.

⁵ Скичко О.Ю. Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на предварительном следствии / под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.И. Комиссарова. М., 2010. С. 63.

⁶ Учителям и родителям о психологии подростка / Г.Г. Аракелов, Н.М. Жариков, Э.Ф. Зеер [и др.]; под ред. Г.Г. Аракелова. М., 1990. С. 27–29.

⁷ Урунтаева Г.А. Дошкольная психология: учеб. пособие для студ. сред. пед. заведений. 5-е изд., стер. М.: Изд. центр «Академия», 2001. С. 148.

допрос производится вскоре после совершения преступления.

Однако значительная часть потерпевших дошкольного возраста во время посягательства испытывают сильное психотравмирующее воздействие, вызывающее у них тяжелое психическое состояние, не только затрудняющее допрос указанных лиц, но иногда и исключающее возможность его проведения.

В ряде ситуаций пострадавшие анализируемой группы подвергаются психотравмирующему воздействию не только в момент совершения преступления, но и в посткриминальный период. Подобное влияние может оказываться родственниками пострадавших, не только отчитывающих несовершеннолетних в грубой форме, но иногда применяющих методы физического воздействия.

Дошкольники, подвергшиеся психотравмирующему воздействию, испытывают отрицательные переживания, обостряющиеся и усугубляющиеся в процессе воспоминаний о произошедшем.

Некоторые такие пострадавшие, испытывая отрицательные переживания как от преступного посягательства, так и от негативной реакции окружающих, замыкаются в себе и отказываются от дачи показаний. Чаще всего они просто не отвечают на вопросы следователя. В таких ситуациях подобное поведение представляет собой способ психологической защиты от возвращения неприятных ощущений, имевших место во время совершения преступления: физической и душевной боли, страха, обиды, собственной незащищенности и т.п. Защищается таким образом пострадавший дошкольник и от повторения отрицательных переживаний, вызванных посткриминальным общением с окружающими.

Думается, что к подобному способу защиты пострадавший дошкольник прибегает интуитивно.

Некоторые потерпевшие дошкольного возраста склоняются окружающими к отказу от дачи показаний или сообщению ложных сведений на допросе. Такого рода противодействие оказывается расследованию преступлений, совершенных родственниками и близкими несовершеннолетнего потерпевшего. Неправомерное воздействие на дошкольника также оказывают лица из его ближайшего окружения путем угроз, уговоров, а иногда и физического насилия, принуждая потерпевшего к даче ложных показаний или отказу от них.

Диагностика психологических свойств личности и психического состояния потерпевшего дошкольного возраста невозможны без помощи специалиста-психолога. Поэтому одной из важнейших особенностей допроса потерпевших данной категории является обязательное их психологическое обследование на стадии подготовки анализируемого следственного действия.

В качестве таких специалистов желательно привлекать психологов, имеющих положительный опыт работы с жертвами преступлений именно этого возраста. В настоящее время во многих субъектах Федерации созданы центры психологической медицинской помощи пострадавшим от преступлений, в том числе и несовершеннолетним. Специалисты-психологи данного профиля имеются и в экспертных

подразделениях Главного управления криминалистики Следственного комитета России.

Специалисту-психологу поручается прежде всего определить, позволяет ли психическое состояние дошкольника провести допрос с его участием. При необходимости к решению этого вопроса могут быть привлечены психиатр и специалисты из других отраслей медицины. Психолог, психиатр также должны установить, нуждается ли пострадавший в реабилитации, допустимо ли ее осуществление амбулаторно или требует помещения дошкольника в реабилитационный центр. В любом случае диагностика свойств личности потерпевшего названной группы возможна только в специальных помещениях, позволяющих проводить необходимые исследования.

Подобное обследование может быть проведено в ходе подготовки к допросу и дачи заключения специалистом в соответствии с ч. 3 ст. 80 УПК РФ.

Следователь должен активно взаимодействовать со специалистом-психологом. В необходимых случаях собирая и представляя дополнительные данные, характеризующие несовершеннолетнего дошкольного возраста и его поведение до, непосредственно во время совершения преступления и после этого.

Помощь специалиста-психолога используется и при составлении плана допроса потерпевшего дошкольника.

В проблемных ситуациях, характеризующихся дефицитом и неопределенностью информации о расследуемом преступлении и его участниках, показания несовершеннолетнего потерпевшего приобретают приоритетное значение.

В подобных условиях важно как можно раньше получить показания дошкольника.

В теории вопрос о соотношении времени совершения преступления и производства допроса несовершеннолетнего потерпевшего является дискуссионным⁸.

Представляется, что этот вопрос должен решаться прежде всего в зависимости от физического и психического состояния несовершеннолетнего потерпевшего. В диагностике психического состояния, препятствующего допросу потерпевшего дошкольного возраста, содействие следователю оказывает специалист-психолог.

При планировании допроса ребенка, которому была причинена серьезная психическая травма, прежде всего должны быть предусмотрены меры, направленные на предупреждение возникновения у допрашиваемого состояний, пережитых им во время совершения преступления.

Эти меры должны прежде всего состоять в создании комфортной для ребенка материальной и психологической обстановки.

При определении степени комфортности необходимо учитывать индивидуальные особенности личности дошкольника. Нельзя согласиться с суждением о том, что, чем комфортнее помещение, в котором будет проводиться допрос, тем больше возможностей получения наиболее достоверных и полных показаний несовершеннолетнего⁹.

⁸ Скичко О.Ю. Указ соч.

⁹ Варламова Е.А. Организация работы помещений с дружелюбной ребенку атмосферой при расследовании преступле-

Если в помещении будут очень яркие, необычные предметы, в том числе и игрушки, они могут отвлекать внимание ребенка. Игрушки, предметы для рисования должны вызывать у ребенка желание пользоваться ими, не отвлекая раньше времени от темы допроса. Поэтому приготовленные предметы должны быть похожи на принадлежащие дошкольнику, но в то же время отличаться от них. Важно правильно расположить указанные вспомогательные средства допроса.

Определенные сложности вызывает установление психологического контакта следователя с подозреваемым. В этих целях иногда рекомендуется проведение предварительной беседы следователя с дошкольником непосредственно перед его допросом, ознакомление его с помещением, в котором будет проводиться данное следственное действие.

Представляется, что эти мероприятия могут быть расценены стороной защиты как неправомерное воздействие на допрашиваемого.

В ряде случаев следователи знакомятся с потерпевшим-дошкольником еще до допроса, например, при осмотре места преступления, опросе пострадавшего, изъятии у него вещей со следами посягательства и т.д. Это время следователь может использовать для налаживания психологического контакта.

В ситуациях, когда первая встреча названных лиц происходит во время допроса, в этот же период и должен устанавливаться контакт с несовершеннолетним.

В случае если к моменту допроса у несовершеннолетнего сложились позитивные отношения с психологом, он и может представить следователя несовершеннолетнему. Затем инициатива должна быть передана следователю, который дополнительно представляется и, выполняя процедурные требования закона о разъяснении смысла проводимого действия, представлении участников, выяснении сведений о личности допрашиваемого, вовлекает в общение дошкольника.

Успех допроса во многом зависит от начала общения с допрашиваемым, правильной формулировки первых вопросов для него. На этой стадии используется метод косвенного допроса, т.е. постановки вопросов, внешне не связанных с обстоятельствами и участниками преступного события. Эти нейтральные для состояния вопросы призваны обеспечить контакт с ребенком, а также сохранить его позитивное психическое состояние. Как свидетельствует практика, большой эффект в этот период дают вопросы об увлечениях, привычном образе жизни ребенка, его отношениях с окружающими. Эти вопросы должны формулироваться таким образом, чтобы от них можно было совершить плавный переход к выяснению интересующих следствие обстоятельств.

Допустим, до выяснения обстоятельств преступлений, совершенных в отношении допрашиваемого на открытой местности незнакомым ему субъектом, целесообразна постановка вопросов о том, в какие игры предпочитает играть ребенок, с кем и где он любит играть, играл ли он раньше со взрослыми.

ний, совершенных против несовершеннолетних // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 3. С. 146.

Если следует ответ, что он играл только один раз, имея в виду совершенное преступление, то используется прием детализации показаний путем постановки предельно конкретизированных вопросов.

В частности, ребенку может быть поставлен вопрос о том, как подошел незнакомый субъект преступления, что сказал, что сделал. В период выяснения обстоятельств содеянного важно наблюдать за реакцией допрашиваемого. Полезно заранее предусматривать использование в ходе допроса помощи присутствующих при этом лиц, способных оказать на ребенка положительное влияние.

В сложных ситуациях при появлении признаков беспокойства, отрицательных реакций допрашиваемого желательно подключение к беседе психолога. В подобных случаях необходимо различать изменения поведения, вызванные возобновлением психотравмирующего воздействия на его психику или действием присущих ему капризностей, быстрой утомляемостью, слабой концентрацией внимания. В первом случае целесообразно изменить направление допроса или даже объявить перерыв, с тем чтобы успокоить ребенка. Во втором желательно попытаться переключить внимание ребенка, допустим, на манипуляции с наиболее привлекательными для него игрушками.

Принадлежности для рисования и игрушки могут использоваться и для стимуляции припоминания ребенком обстоятельств, о которых он сообщает в ходе допроса. Не рекомендуется напоминать дошкольнику о том, что он рассказывал ранее психологу, законному представителю, другим лицам. Более приемлемой представляется постановка вопросов о том, от чего на теле и одежде ребенка появились те или иные следы.

В конфликтных ситуациях, при отказе от дачи показаний рекомендуется вовлечь дошкольника в общение.

Исбираемые для этого средства не должны стимулировать возобновление переживаний допрашиваемого.

В этих целях также целесообразна постановка вопросов, внешне не связанных с обстоятельствами, о которых не хочет рассказывать допрашиваемый. В одной из публикаций приводится пример успешного допроса в подобных условиях 4-летней потерпевшей от изнасилования. Специалист-психолог, рассказывая о переживаниях других пострадавших от подобных преступлений, нарисовал по просьбе собеседницы портрет «плохого дядьки». На вопрос психолога о том, похож ли изображенный на рисунке человек на субъекта преступления, та ответила «нет», поскольку посягательство совершил ее отец¹⁰.

В приведенном случае ребенок опасался наказания со стороны близких. Рассказ о других жертвах, блокировав негативные переживания, снизил психологическое напряжение девочки, что способствовало ослаблению контроля и преодолению барьера

¹⁰ Стрельцова И.А., Михайлова Ю.А. Психологическое сопровождение расследования преступлений: участие специалистов-психологов Следственного комитета Российской Федерации в проведении следственных и иных процессуальных действий с несовершеннолетними // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 4. С. 170.

внутренних запретов. Думается, что при реализации подобных приемов следует соблюдать осторожность, следуя принципу «не навреди».

Литература

1. Байдавлетова Л.Р. Особенности произведения следственных действий с потерпевшим несовершеннолетнего возраста (на основании анализа уголовных дел) // Российский следователь. 2016. № 20.
2. Бойцов Ю.М. Проблемы противодействия преступлениям, совершаемым в отношении несовершеннолетних // Противодействие преступлениям, совершаемым несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних: материалы межд. науч.-практ. конф. (Москва, 13 февраля 2015 г.) / под ред. А.И. Бастрыкина. М., 2015.
3. Варламова Е.А. Организация работы помещений с дружественной ребенку атмосферой при расследовании преступлений, совершенных против несовершеннолетних // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 3.
4. Методические рекомендации по организации и ведению допроса несовершеннолетних в специализированном помещении на этапе следствия / Главное следственное управление Следственного комитета по г. Санкт-Петербургу. СПб., 2014.
5. Рекомендации по проведению допроса (опроса) несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на этапе следственных действий / Свердловская региональная общественная организация помощи семьям в трудной жизненной ситуации «Аистенок»; Межведомственная служба экспертного сопровождения семей с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации. Екатеринбург, 2016.
6. Скичко О.Ю. Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на предварительном следствии / под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.И. Комиссарова. М., 2010.
7. Стрельцова И.А., Михайлова Ю.А. Психологическое сопровождение расследования преступлений: участие специалистов-психологов Следственного комитета Российской Федерации в проведении следственных и иных процессуальных действий с несовершеннолетними // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 4.
8. Урунтаева Г.А. Дошкольная психология: учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений. 5-е изд., стер. М.: Изд. центр «Академия», 2001.
9. Учителям и родителям о психологии подростка / Г.Г. Аракелов [и др.]; под ред. Г.Г. Аракелова. М., 1990.
10. Хмелева А.В. Процессуальные и тактические особенности производства допроса и других вербальных следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014.

ПОЛУЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ РАЗВЕДОПРОСА ЛИЦ, ПРИЧАСТНЫХ К НЕЗАКОННЫМ РУБКАМ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

Попов Владислав Анатольевич,
*доцент кафедры «Юриспруденция,
интеллектуальная собственность и судебная экспертиза»
Мытищинского филиала Московского государственного технического
университета имени Н.Э. Баумана (МГТУ им. Баумана),
кандидат юридических наук
bauman@bmstu.ru*

В статье рассматриваются психологические особенности получения криминалистически значимой информации при проведении опроса очевидцев преступления и лиц, причастных к совершению такого преступления, как незаконная рубка лесных насаждений.

Ключевые слова: раскрытие преступления, опрос, источник информации, криминалистически значимая информация, незаконная рубка лесных насаждений, экологические преступления.

RECEPTION OF RELEVANT FORENSIC INFORMATION AT INTERROGATION OF PERSONS INVOLVED IN ILLEGAL FELLING OF FOREST PLANTATIONS

Popov Vladislav A.,
*Assistant Professor of the Department of Jurisprudence, Intellectual
Property and Forensic Examination of the Mytishchi Branch
of the Bauman Moscow State Technical University (BMSTU),
Candidate of Legal Sciences*

The article explains the psychological peculiarities of gathering forensically relevant information when questioning witnesses of crime and persons involved in the crime of illegal felling of forest plantations.

Key words: crime-solving, inquiry, source of information, forensically relevant information, illegal felling of forest plantations, environmental crime.

Раскрытие и расследование преступлений представляет собой процесс поиска, получения, анализа, оценки и использования информации, с помощью которой происходит установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Процесс возникновения информации о преступлении неизбежно сопутствует процессу развития самого преступления. Неизбежность возникновения доказательств при совершении преступления является закономерностью процесса отражения в целом. Психическое отражение процессов, связанных с совершением преступления, образует криминалистически значимую информацию, которую можно получить из опроса и допроса очевидцев события преступления.

Отражение как свойство всей материи — это способность любого предмета или явления при воздействии на них другим предметом производить изменения или оставлять следы, отпечатки, структура которых находится в соответствии (или сходстве) с какой-либо стороной (структурой) воздействующего предмета¹.

Отражение можно представить состоящим из идеальной части отражения и его вещественно-энергетической части. Тогда идеальная часть отражения как раз и будет являться информацией, которая может объективироваться, опредмечиваться, передаваться и участвовать в других формах движения².

Таким образом, информацией является содержание отражения процессов и явлений, происходящих в окружающей действительности. А под криминалистически значимой информацией следует понимать содержание отражения процессов и явлений, связанных с совершением преступления или с лицом, совершившим преступление.

Процесс переноса информации в пространстве может быть совершен только неким материальным носителем, в том числе и человеком. Любой материальный процесс отражается в других, связанных с ним материальных процессах. Для того чтобы получить информацию о событии преступления как одном из материальных процессов, необходимо выявить связанные с ним изменения в окружающей действительности (среде). Таким образом, информация и ее материальные носители одновременно выступают в качестве объекта поиска и средства познания.

Источник информации — это материальный носитель (человек, бумага, фотопленки, участок местности и т.д.), на котором зафиксированы сведения, отражающие процессы и явления, происходящие в окружающей действительности. Можно выделить два вида источников криминалистически значимой информации. К первому виду относятся сведения, содержащиеся на материальных носителях, но не являющиеся документами. Например, к таким источникам можно отнести природный объект с измененными свойствами, свидетельствующими о негативной антропогенной деятельности (срубленное дерево); человека, ставшего очевидцем совершения

экологического преступления; любые другие недокументированные сведения, связанные с экологией, — мнения научных сотрудников, слухи и т.п.

Ко второму виду источников относятся документы, содержащие экологически значимые сведения. К ним относятся, например, различные документы лесоустройства: проект освоения лесов, план отвода лесосек, таксационное описание и др.

Р.С. Белкин разделяет информацию, носителем которой является след-отражение, на «личностную (информация о человеке как объекте или субъекте следообразования), вещную (информация об отражаемом и отражающем предметах) и операционную (информация об операции, приведшей к образованию следа, т.е. о механизме следообразования)»³.

Сказанное в большой степени можно применить к рассматриваемому нами составу преступления (ст. 260 УК РФ). По делам о незаконной рубке личностная информация может оставить следы-отражения об исполнителях преступления в памяти очевидцев; вещная информация будет отображена на предмете преступного посягательства; операционная информация позволит определить способ рубки.

В настоящей статье мы не будем рассматривать все источники криминалистически значимой информации, используемые при раскрытии и расследовании незаконной рубки, а остановимся на развед-опросе.

Проведение такого оперативно-разыскного мероприятия, как опрос, позволяет получить криминалистически значимую информацию наиболее простым и не затратным способом. При этом оперативный работник должен обладать опытом проведения такого мероприятия, уметь устанавливать психологический контакт с опрашиваемым, знать некоторые приемы практической психологии и понимать, как и где может отображаться криминалистически значимая информация.

Разведопрос может проводиться гласно и негласно. При расследовании незаконной рубки разведопрос проводится, как правило, гласно. Опрос лиц, причастных к данному преступлению, происходит обычно на месте совершения преступления, причем наиболее частой криминалистической ситуацией является следующая: на месте совершения преступления задержаны исполнители незаконной рубки и отсутствует организатор. Исполнителями, как правило, являются нанятые местные жители или приезжие в поисках заработка граждане стран СНГ. Они могут не знать, что совершают противоправные действия и осуществляют незаконную рубку.

В этом случае лицо, нанявшее их, чаще всего не сообщает информацию, позволяющую его идентифицировать, может назваться вымышленным именем. Поэтому важно подробно расспросить исполнителей о внешности заказчика, его манерах в общении, попросить описать одежду, а самое важное — указать марку и госномер автомобиля, на котором он приехал к ним.

¹ Тюхин В. Информация, отражение, познание // Наука и жизнь. М.: Правда, 1966. № 1. С. 17.

² Пасхин Е.Н. Основы экологической информатики: учебное пособие. М.: Изд-во РАГС, 1999. С. 5.

³ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: НОРМА, 2001. С. 63.

Для получения такой информации потребуется разговорить исполнителей, что является непростой задачей. Необходимым условием успешного разведопроса является установление с опрашиваемым психологического контакта. Психологический контакт представляет собой установление и поддержание взаимного интереса общающихся. Его важным элементом является формирование доверия друг к другу. Помимо умения наладить психологический контакт, оперативный работник должен уметь использовать приемы выведывания, основанные на знаниях психологических законов.

Основой, на базе которой возможно получение интересующих сведений, является теория бессознательного. Процессы, протекающие в психике человека на бессознательном уровне, не контролируются им. Мастерство оперативного работника заключается в умении побудить опрашиваемого к передаче криминалистически значимой информации в обход его воли. В ситуации, когда собеседник сознательно передать эту информацию не хочет, его необходимо побудить к неосознанной ее передаче. Это может выражаться в произвольных высказываниях либо произвольных действиях, которые несут в себе интересующую информацию. Иногда может быть эффективной постановка неожиданного вопроса. Этот прием позволяет привести опрашиваемое лицо в замешательство и уличить его в обмане.

Одним из приемов получения информации из произвольных высказывания или действия является ведение разговора на смежные темы. Тема разговора, близкая к интересующим оперативного работника вопросам, оживляет в памяти опрашиваемого образы и ассоциации, связанные с искомой информацией. Контролировать сокрытие всплывшей в памяти информации становится сложнее, и опрашиваемый проговаривается. Так, в ходе опроса лиц, причастных к незаконной рубке, можно завести разговор о технике, способной проезжать по труднодоступным местам, и выведать информацию о том, на каком транспорте вывозился лес.

В процессе разведопроса, произведя оценку личности опрашиваемого, можно использовать чувство его собственной значимости. Люди, в прошлом имеющие образование и работу, но в силу жизненных обстоятельств вынужденные заниматься неквалифицированным физическим трудом на лесосеке, как правило, стараются повысить чувство собственного достоинства. Сыграв на этом, можно попытаться получить интересующую информацию, побудив высказаться опрашиваемого по интересующему оперативного работника вопросу. Для этого можно использовать похвалу, выражение уважения, человеческую заинтересованность в опрашиваемом человеке.

В процессе опроса можно использовать неточное или ложное заявление. Умышленно делая ложное заявление или используя неверное высказывание,

оперативный работник побуждает собеседника возразить ему или поправить его. Этот прием особенно эффективен в общении с импульсивными людьми, которых искажение фактов может вывести из эмоционального равновесия. Этот прием применим и по отношению к людям, считающим себя «профессионалами своего дела».

Если разведопрос проводится на месте совершения преступления и опрашиваются задержанные исполнители незаконной рубки, следует воспользоваться их эмоциональным стрессом. Стресс — это большое психическое напряжение, вызывающее у человека ослабление контроля за своим поведением и высказываниями.

В ситуации, когда неизвестны организатор незаконной рубки или пособники преступления, например, водители, вывозившие лес, оперативному работнику можно показать свою якобы осведомленность. Этот прием используется, когда уже известны некоторые детали дела и нужно получить дополнительную информацию. Умелое оперирование даже немногими известными деталями, например упоминанием известных имен, может создать у опрашиваемого лица впечатление полной информированности работника правоохранительного органа и побудить его к даче правдивых показаний.

В беседе с очевидцами незаконной рубки следует помнить, что многие граждане недооценивают общественную опасность данного преступления. Относясь к природе потребительски — как к источнику материальных благ, люди часто не считают преступным незаконную добычу природных богатств. Это относится и к браконьерству, и к незаконной рубке, и другим экологическим преступлениям. Как отмечает Е.И. Майорова, «положение, согласно которому посягательство на природу в целом и ее отдельные элементы может рассматриваться как противоправное деяние, многими гражданами воспринимается с трудом»⁴. Поэтому в своей беседе сотрудник правоохранительных органов должен донести до собеседника суть общественной опасности экологических преступлений, убедить гражданина в справедливости наказания виновных лиц, побудить содействовать защите природы от противоправных посягательств.

Литература

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: НОРМА, 2001. С. 63.
2. Майорова Е.И. О профессиональной этике судебного эксперта-эколога // Юридическая психология. 2016. № 3. С. 25.
3. Пасхин Е.Н. Основы экологической информатики: учебное пособие. М.: Изд-во РАГС, 1999. С. 5.
4. Тюхин В. Информация, отражение, познание // Наука и жизнь. М.: Правда, 1966. № 1. С. 17.

⁴ Майорова Е.И. О профессиональной этике судебного эксперта-эколога // Юридическая психология. 2016. № 3. С. 25.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДИКИ «ДИРЕКТИВНЫЙ СОН» ДЛЯ РЕГУЛЯЦИИ УРОВНЯ СИТУАТИВНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Муромцев Илья Юрьевич,

аспирант Российского государственного университета
физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК)
014130@mail.ru

Автор исследует проблему тревожности: используя известные знания о методах саморегуляции тревожности, он разработал универсальный, не требующий особой квалификации для его применения, затрачивающий минимальный временной ресурс, не требующий дорогостоящего материально-технического обеспечения метод саморегуляции тревожности военнослужащих. Описываются результаты эксперимента по применению разработанной методики.

Ключевые слова: тревожность, методика «директивный сон», ситуативная тревожность, саморегуляция, военнослужащие.

APPLICATION OF THE “DIRECTED DREAM” METHOD TO CONTROL THE LEVEL OF STATE ANXIETY OF MILITARY MEN

Muromtsev Ilya Yu.,

Postgraduate Student of the Russian State University
of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (SCOLIPE)

The author studies the problem of anxiety; by applying the common knowledge on anxiety self-control methods, he developed a flexible method of anxiety self-control by military men, which does not require special application skills, much time and expensive logistic assistance. The results of the experiment on the application of the developed methods are described.

Key words: anxiety, “directed dream” method, state anxiety, self-control, military men.

Под тревожностью в психологии понимают склонность человека переживать тревогу, т.е. эмоциональное состояние, возникающее в ситуациях неопределенной опасности и проявляющееся в ожидании неблагоприятного развития событий. Тревожные люди живут ощущая постоянный беспричинный страх. Они часто задают себе вопрос: «А вдруг что-нибудь случится?» Повышенная тревожность может дезорганизовать любую деятельность (особенно значимую), что, в свою очередь, приводит к низкой самооценке, неуверенности в себе («Я же ничего не мог!»). Таким образом, это эмоциональное состояние может выступать в качестве одного из механизмов развития невроза, так как способствует углублению личностных противоречий (например, между высоким уровнем притязаний и низкой самооценкой).

Определенный уровень тревожности — естественная и обязательная особенность активной деятельности личности. У каждого человека существует свой оптимальный или желательный уровень тревожности — это так называемая полезная тревожность. Оценка человеком своего состояния в этом отношении является для него существенным компонентом самоконтроля и самовоспитания. Однако повышенный уровень тревожности является субъективным проявлением неблагоприятия личности.

Проявления тревожности в различных ситуациях не одинаковы. В одних случаях люди склонны вести себя тревожно «всегда и везде», в других — они обнаруживают свою тревожность лишь время от времени, в зависимости от складывающихся обстоятельств.

Ситуативно устойчивые проявления тревожности принято называть личностными и связывать с наличием у человека соответствующей личностной черты (так называемая «личностная тревожность»). Это устойчивая индивидуальная характеристика, отражающая предрасположенность субъекта к тревоге и предполагающая наличие у него тенденции воспринимать достаточно широкий «веер» ситуаций как угрожающий, отвечая на каждую из них определенной реакцией. Как предрасположенность, личностная тревожность активизируется при восприятии определенных стимулов, расцениваемых человеком как опасные, связанные со специфическими ситуациями угрозы его престижу, самооценке, самоуважению.

Ситуативно-изменчивые проявления тревожности именуются ситуативными, а особенность личности, проявляющей такого рода тревожность, обозначают как «ситуационная тревожность». Это состояние характеризуется субъективно переживаемыми эмоциями: напряжением, беспокойством, озабоченностью, нервозностью. Такое состояние возникает как эмоциональная реакция на стрессовую ситуацию и может быть разным по интенсивности и динамичным во времени.

Личности, относимые к категории высокотрещовных, склонны воспринимать угрозу своей самооценке и жизнедеятельности в обширном диапазоне ситуаций и реагировать весьма напряженно, выраженным состоянием тревожности.

Поведение повышенно тревожных людей в деятельности, направленной на достижение успехов, имеет следующие особенности:

— Высокотренируемые индивиды эмоционально острее, чем низкотренируемые, реагируют на сообщения о неудаче.

— Высокотренируемые люди хуже, чем низкотренируемые, работают в стрессовых ситуациях или в условиях дефицита времени, отведенного на решение задачи.

— Боязнь неудачи — характерная черта высокотренируемых людей. Эта боязнь у них доминирует над стремлением к достижению успеха.

— Мотивация достижения успехов преобладает у низкотренируемых людей. Обычно она перевешивает опасение возможной неудачи.

— Для высокотренируемых людей большей стимулирующей силой обладает сообщение об успехе, чем о неудаче.

— Низкотренируемых людей больше стимулирует сообщение о неудаче.

Личностная тревожность предрасполагает индивида к восприятию и оценке многих объективно безопасных ситуаций как таких, которые несут в себе угрозу.

Деятельность человека в конкретной ситуации зависит не только от самой ситуации, от наличия или отсутствия у индивида личностной тревожности, но и от ситуационной тревожности, возникающей у данного человека в данной ситуации под влиянием складывающихся обстоятельств.

Воздействие сложившейся ситуации, собственные потребности, мысли и чувства человека, особенности его тревожности как личностной тревожности определяют когнитивную оценку им возникшей ситуации. Эта оценка, в свою очередь, вызывает определенные эмоции (активизация работы автономной нервной системы и усиление состояния ситуационной тревожности вместе с ожиданиями возможной неудачи). Информация обо всем этом через нервные механизмы обратной связи передается в кору головного мозга человека, воздействуя на его мысли, потребности и чувства.

Для целей коррекции уровня ситуативной тревожности методика «директивный сон» была адаптирована, для чего использовались следующие языковые формулы.

Текст методики

Инструкция:

— Здравствуйте, вам будет озвучен ряд установок для саморегуляции своего состояния, для этого необходимо задействовать свое воображение, занять удобное положение и слушать диктора. Вы можете принимать эти установки, а можете не принимать, продолжать методику или не продолжать. Услышав звук дыхания, и если вам будет комфортно, то попытайтесь подстроиться под его темп.

(Задается темп дыхательных движений, который фоном сопровождает на протяжении всей методики, вокализацию установок на выдохе.)

Вы можете занять удобное положение,

Скорее всего, сидя, облокотившись на спинку кресла,

И положить руки так, как вам удобно,

Тем самым почувствовав небольшое расслабление.

Вы можете закрыть глаза,

А можете не закрывать.

Но, для того чтобы лучше расслабиться,
Может быть, лучше закрыть.

Мы все приехали из разных уголков нашей страны:
Кто-то с севера, а кто-то с юга,
Кто-то с запада, а кто-то с востока.
И всех нас объединяет что-то одно.

Возможно, у вас был тяжелый день,
Может быть, накричал начальник,
Или у вас сложности в коллективе.
Может быть, все начинает надоедать.

И, наверное, я попрошу вас
Представить себя как будто пролетающими над казармами,
Наблюдая их сверху, красные крыши и серый плац,
Зеленые деревья и огоньки окон.
Слушая шум ветра, ощущая чувство легкости и свободы.

Вы можете представить, как улетае
В какой-нибудь далекий уголок природы,
В котором вам хотелось бы побывать,
Это может быть даже другая планета,
Но там наверняка есть небо, голубое, как море,
А может быть, есть море, голубое, как небо.
Вы можете представить шум его волн,
Ощущая всем телом теплый летний ветерок.

Может быть, где-то на горизонте виднеются горы,
Покрытые у подножия зеленым лесом,
А ближе к вершине — серыми скалами и снегом.
Сливаясь с белыми, как вата, облаками.

И где-то там виднеется яркое солнце,
Окутывая своими лучами,
Проникая под кожу и даря свое тепло,
Согревает вас изнутри.

Сделав глубокий вздох,
Вы можете вдохнуть в себя всю атмосферу этого волшебного места
И, выдохнув из себя всю накопившуюся усталость и тревогу,
Повторить это еще раз,
Ощущая где-то в глубине себя небольшое изменение.

С каждым вздохом положительная энергия
Наполняет вас изнутри,
Проникая в кончики пальцев ваших рук и ног.
А негативная энергия покидает вас с каждым выдохом.

Вдыхая в себя новые силы и чувство веры в себя,
Увидев новые горизонты своих возможностей,
Вы всегда можете возвращаться сюда, —
Для этого только нужно закрыть глаза и заглянуть
внутрь себя,
Вспомнив чувство полета, море и шум его волн...
Хорошо.

Завтра наступит новый день,
И вы на один день будете ближе к своей цели.
Услышав звонок, вы откроете глаза:
Стали свежими, отдохнувшими и полными сил.

ЗВОНОК

С применением указанного текста была подготовлена аудиозапись (фонограмма), которая была выполнена в двух вариантах — для воспроизведения индивидуально через наушники и для группового предъявления через колонки.

Организация и проведение эксперимента. Для проведения эксперимента, нацеленного на выявление эффективности указанной методики, был спланирован и проведен ряд частных экспериментов.

Были сформированы две группы из числа военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, по 20 человек в каждой.

До начала прослушивания фонограммы военнослужащие контрольной и экспериментальной групп, собранные в актовом зале войсковой части, прошли психодиагностику с применением методов наблюдения, интервью, анкетирования, а также оценку актуального психоэмоционального состояния: для этого применялись методики определения уровня ситуативной тревожности Спилбергера СТ-1 (20 вопросов), опросник САН (Самочувствие, настроение, активность) (30 вопросов), восьмицветовой тест Люшера (8 цветов в двух предъявлениях).

После выполнения первой пробы с применением указанных методик военнослужащие контрольной группы убыли в расположение роты. С оставшимися в актовом зале военнослужащими экспериментальной группы было проведено аудирование с применением фонограммы экспериментальной методики.

Во время процедуры аудирования методом экспертных оценок осуществлялись наблюдение и оценка динамики состояния военнослужащих по невербальным признакам. Так, в ходе наблюдения за динамикой состояния было отмечено, что 80% военнослужащих экспериментальной группы закрыли глаза при прослушивании фонограммы, у оставшихся 20% военнослужащих глаза оставались открытыми, у 5% военнослужащих наблюдалась зевота, которая является маркером релаксации. Кроме того, у 97% военнослужащих наблюдалось общее снижение мышечного тонуса, замедление дыхания, что свидетельствует о релаксирующем потенциале применяемой методики и высокой чувствительности испытуемых к аутогенной тренировке.

После завершения аудирования в актовом зале войсковой части была приглашена контрольная группа военнослужащих, которая совместно с экспериментальной группой повторно прошла психодиагностику с применением тех же методик, что использовались и в первой пробе.

Результаты исследования. После обработки результатов были получены следующие данные. В экспериментальной группе мы наблюдаем следующую динамику уровня ситуативной тревожности: у 8 военнослужащих (что составляет 36,4%) уровень ситуативной тревожности после применения экспериментальной методики снизился на 1–2 стэна; у 13 военнослужащих (что составляет 59,1%) уровень

ситуативной тревожности остался без изменения; у 1 военнослужащего (что составляет 4,5%) уровень ситуативной тревожности повысился.

В контрольной группе была отмечена следующая динамика уровня ситуативной тревожности: у 3 военнослужащих (что составляет 15,7%) уровень ситуативной тревожности во второй пробе снизился в среднем на 1–2 стэна; у 12 военнослужащих (что составляет 63,1%) уровень ситуативной тревожности остался без изменения; у 4 военнослужащих (что составляет 21%) уровень ситуативной тревожности повысился.

По данным САН, в экспериментальной группе наблюдается улучшение самочувствия, активности и настроения у 82,5% испытуемых (в контрольной — показатели остаются без изменения). При этом положительная динамика в контрольной группе отмечается даже у тех испытуемых, которые в ходе интервью выражали скептическое отношение к применяемой методике. В контрольной группе статистически значимых изменений состояния испытуемых, по данным САН, не наблюдалось.

По данным анкетирования, на вопрос: «Понравилась ли Вам методика?» — 92,5% испытуемых ответили «да»; 7,5% затруднились ответить; испытуемых, которым не понравилась методика, не было. На вопрос: «Хотели бы Вы иметь предложенную методику в комнате психологической разгрузки и использовать ее самостоятельно?» — ответили положительно 89% испытуемых, 10% «затруднились ответить», 1% испытуемых дал отрицательный ответ, пояснив это тем, что обращение за психологической помощью связано с риском стигматизации. На вопрос: «Получилось ли Вам представить предложенные образы?» — 92% ответили положительно, 8% испытуемых не удалось визуализировать предлагаемые образы. На вопрос: «Улучшилось ли Ваше психоэмоциональное состояние после применения методики?» — 84% отметили, что субъективно их психоэмоциональное состояние улучшилось, 7% испытуемых не заметили изменений своего состояния, 9% затруднились с ответом.

Общие выводы оценки эффективности экспериментальной методики. В ходе эксперимента гипотеза исследования нашла свое подтверждение: уровень ситуативной тревожности после применения методики в экспериментальной группе снизился в два раза (так, в экспериментальной группе уровень ситуативной тревожности снизился на 36,4%, в контрольной — только на 15,7%), а уровень самочувствия, настроения, активности повысился, что подтверждается данными опросника САН, а также результатами интервью и анкетирования, которые подтвердили улучшение самочувствия после применения методики.

Практические рекомендации. Методика может быть рекомендована для практического применения в Вооруженных силах при работе с военнослужащими в эмоциональных ситуациях, повышающих уровень ситуативной тревожности.

Перспектива исследования. Полагается целесообразным в дальнейшем спланировать и провести исследование влияния методики не только на военнослужащих, имеющих высокий уровень ситуативной тревожности, но и на военнослужащих с высоким уровнем личностной тревожности.

Еще одним перспективным направлением исследования стало выявление в эксперименте эффективности предложенной методики в сравнении с другими средствами психокоррекции (арт-терапия, звукотерапия, в том числе музыкотерапия, методика «ЛингвоСтрим» и др.).

Также предполагается в дальнейшем выявить взаимосвязь эффективности методики саморегуляции психоэмоционального состояния военнослужащих с акцентуациями их характера, иные условия эффективности применения данной методики.

Кроме того, актуальной является потребность военнослужащих не только в релаксирующем варианте методики, но и в мобилизующем характере ее модификации, поскольку существует потребность и в снижении уровня тревожности, и повышении уровня тревожности до оптимального уровня, чего требуют

условия воинской деятельности, которая по своей сути является экстремальной.

Найти ответы на поставленные вопросы рассчитываем в ходе дальнейших исследований проблемы тревожности военнослужащих.

Литература

1. Алексеева О.Ф. Индивидуально-психологический фактор адаптации субъекта учебной деятельности: дис. ... канд. психол. наук. М., 1995.
2. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: В 2-х т. Т. 1. М., 1980. С. 67–72.
3. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 212.
4. Бельх-Силаев Д.В., Ивашин А.Г., Ланцов Д.Е. Акцентуации характера и подходы к их классификации // Юридическая психология. 2013. № 2. С. 34–40.
5. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2000. 367 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Никитина Татьяна Васильевна,

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний,

кандидат педагогических наук
tanya.perm@mail.ru

Статья посвящена проблеме формирования коммуникативной компетенции у сотрудников уголовно-исполнительной системы. Проведен анализ специфики профессионального общения, исходя из служебной деятельности сотрудников. Рассмотрены трудности, возникающие при организации профессионального общения сотрудников, причины возникновения профессиональной коммуникативной деформации и предложены способы ее преодоления.

Ключевые слова: компетенция, компетентностный подход, коммуникативная компетенция, профессиональная лексика, сотрудник уголовно-исполнительной системы, профессиональная коммуникативная деформация.

PROFESSIONAL COMMUNICATIVE DEFORMATION OF THE STAFF OF THE PENAL ENFORCEMENT OFFICERS

Nikitina Tatiana V.,

Assistant Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines
of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service,
Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor

The article deals with the problem of shaping communicative competence of penal officers. The author analyses the characteristics of the personality of penal officers, their professional activity. Describes the difficulties encountered in organizing professional communication penal officers and causes of professional communicative deformation and suggested ways to overcome it.

Key words: competence, competence approach, communicative competence, the professional lexis, penal officers, professional communicative deformation.

В профессиональной деятельности сотрудников УИС существуют определенные профессиональные риски, которые могут быть связаны как с внешними условиями осуществления профессиональных задач (необходимость общения с криминальными и девиантными личностями), так и с внутренними факторами в виде эмоционального выгорания и профессиональной деформации личности, которые в целом могут приводить к снижению эффективности деятельности и нарушению профессиональной и личностной идентичности.

Термин «деформация» происходит от латинского *deformatio* — «искажение», «обезобразивание» и имеет негативный оттенок.

Термин «профессиональная деформация» изначально рассматривался как синоним понятия «синдром профессионального выгорания». Было замечено, что профессиональная деятельность накладывает отпечаток на личность человека.

Словарь по социальной педагогике дает следующее определение: «деформация личности профес-

сиональная — изменение качеств личности (стереотипов восприятия, ценностных ориентаций, характера, способов общения и поведения), которое наступает под влиянием длительного выполнения профессиональной деятельности¹.

Понятие «профессиональная деформация» рассматривается в работах Б.Г. Ананьева, Р.М. Грановской, А.А. Крылова, Е.С. Кузьмина, В.Н. Мясищева, В.Е. Орла, Е.И. Рогова и др. в контексте взаимосвязи деятельности и личности, профессии и сознания. Профессиональная деформация выражается в негативных профессиональных изменениях.

По мнению многих авторов, профессиональной деформации в первую очередь подвергаются представители профессий типа «человек — человек»: учителя, военнослужащие, медицинские работники, управленцы, сотрудники УИС.

Профессиональная деформация сотрудников УИС — это изменение личностных качеств сотрудника под влиянием негативных факторов среды и профессиональной деятельности. Анализируя специфику деятельности сотрудников УИС, А.В. Буданов выделяет следующие виды профессиональной деформации: собственно-профессиональная, должностная, депривационная, адаптационная².

Собственно-профессиональная деформация связана со спецификой профессиональной деятельности и возникает из-за тесного контакта с криминогенной средой. Она выражается в:

- постоянном использовании жаргона и арго;
- употреблении нецензурных выражений при общении между коллегами и с осужденными;
- употреблении слов-кличек бранного характера в отношении спецконтингента;
- скрытом или открытом уничижительном, пренебрежительном, враждебном отношении к коллегам и осужденным;
- проявлении грубости по отношению к коллегам и осужденным;
- безразличном отношении к человеческим переживаниям, горю, беде, нравственно-психологическим ранам;
- как в моральном, так и физическом унижении человеческого достоинства других³.

Должностная деформация проявляется в использовании властных полномочий сотрудниками по отношению к осужденным, а также в:

- чувстве вседозволенности;
- властности, властолюбии, упоении властью;
- безграничности своих властных полномочий и возможностей;
- стремлении подавить честь и достоинство, волю и самолюбие другого человека;
- появлении завышенной самооценки;
- амбициозности;

- нежелании учитывать мнение других, воспринимать критические замечания;
- проявлении самодурства;
- неспособности видеть, признавать и исправлять свои ошибки;
- желании угодить, чиновничеству, ориентации на мнение руководства;
- отсутствии здоровых нравственных и служебно-деловых отношений между различными частями и службами.

Депривационная деформация связана с невозможностью удовлетворить какие-либо потребности, которые, в свою очередь, замещаются более доступными. Например, духовные ценности заменяются материальными или потребностью в употреблении алкоголя, в неадекватном самоутверждении, проявлении властных полномочий и другими.

Адаптационная деформация связана с пассивным приспособлением сотрудника к имеющимся социальным условиям, нежеланию изменить себя и других или ситуацию в лучшую сторону. Сотрудник внутри себя не принимает нормы и правила, преобладающие в коллективе, но внешне приспосабливается к ним, чтобы не выделяться из толпы, что ведет к деформации. Кроме того, данный вид деформации выражается в привыкании сотрудника к сложившейся в коллективе форме социально-психологических отношений из-за постоянной работы на одном и том же месте.

Нами было проведено изучение стиля должностного общения (опрошены сотрудники разных категорий: младший и средний начальствующий состав учреждений и органов УИС — 501 человек) и получены следующие результаты.

При выборе стиля общения с осужденными сотрудники в качестве постоянно используемого назвали:

- жесткий, не терпящий возражения — 63%;
 - мягкий, требовательный, справедливый — 18%;
- В качестве редко используемого:
- жесткий, не терпящий возражения — 16%;
 - мягкий, требовательный, справедливый — 3%.
- В качестве манеры общения с осужденными 83% сотрудников выбрали грубую (всегда или иногда) и 17% — вежливую, корректную.

На вопрос: «Каким одним словом можно охарактеризовать всех осужденных?» — сотрудники ответили: «зэки» — 38%; «жулики» — 34%; «уважаемые» — 11%; «воры» / «бандиты» — 5%; «урки» / «уркоганы» — 4%; «пассажиры» — 3%; «граждане» и «преступники» по 2%, «жмурики» — 1%.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что каждому сотруднику в большей или меньшей степени характерны все виды деформации, которые проявляются в комплексе:

- в словесном воздействии на осужденных при разрешении возникающих проблем;
- изменении круга общения, ухудшении отношений с близкими людьми;
- появлении негативных привычек;
- однотипном поведении в различных ситуациях;
- склонности к агрессии;
- изменении манеры служебного общения (использование жаргона и арго, властного командного

¹ Словарь по социальной педагогике: учебное пособие / сост. Л.В. Мардахаев. М.: Академия, 2002. С. 39.

² Привод. по: Бодди Д., Пэйтон Р. Основы менеджмента: пер. с англ.; под ред. Ю.Н. Каптуревского. СПб.: Изд-во «Питер», 1999. С. 78.

³ Меньшакова Н.Н., Никитина Т.В. Речь сотрудников подразделений охраны и конвоирования (русско-английский словарь-разговорник): учебное пособие. Пермь: ФКОУ ВПО «Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний», 2012. С. 24.

тона, речевых штампов, ненормативной лексики, профессионального юмора не к месту);

— профессиональной черствости (злоупотребление служебным положением, чрезмерное желание находиться на рабочем месте независимо от наличия — отсутствия служебных дел в выходные, в отпуске и т.д.);

— изменении самооценки (болезненная реакция на критику, постоянное завышенное профессиональное самомнение, снисходительность по отношению к коллегам);

В ряде работ понятие «коммуникативная деформация» является синонимом «коммуникативного барьера», в других — выступает причиной, порождающей барьер, а в третьих — барьер рассматривается как фактор деформации.

Д. Бодди и Р. Пэйтон к коммуникативным барьерам относят «все то, что мешает коммуникациям, затрудняет их»⁴. Е.В. Залюбовская определяет коммуникативный барьер как «абсолютное или относительное препятствие эффективному общению, субъективно переживаемое или реально присутствующее в ситуации общения».

Е.В. Фаготова к причинам, из-за которых возникают коммуникативные барьеры, относит следующие коммуникативные деформации:

1) неправильное, с синтаксической или логической точки зрения, построение высказывания;

2) неправильный выбор языковых средств (загруженность текста терминами, использование неизвестного собеседнику языкового кода);

3) несоответствие стилистики речи ее содержанию (например, деловой разговор с использованием разговорных слов и выражений);

4) неуместное использование невербальных средств: жестов, мимики, позы, темпа, интонации и т.д.⁵

В своем исследовании мы разграничиваем понятия «деформация» (от лат. — «искажение») и «барьер» (препятствие), так как деформация может привести к барьеру, а барьер может вызвать деформацию только при многократном повторении (при закреплении негативного опыта).

Кроме того, эффективному профессиональному общению могут мешать коммуникативные неудачи. Э.Г. Дадаян дает следующее определение коммуникативной неудачи: «полное или частичное недостижение положительного результата в процессе спонтанного, непринужденного общения»⁶, причем спонтанная речь из-за переключения всей мыслительной деятельности говорящего на содержание высказывания отвлекает внимание от его формы. Именно поэтому спонтанная речь предполагает ошибки. Коммуникативные неудачи могут возникать не только при спонтанном общении, но и при заранее подготовленном.

Таким образом, при многократном повторении коммуникативных барьеры в структуре професси-

онального общения могут привести к профессионально-коммуникативным деформациям, из которых возникают коммуникативные неудачи в профессиональном взаимодействии.

Исходя из вышесказанного, профессионально-коммуникативные деформации сотрудников УИС являются стойкими нарушениями общепризнанных этических, этикетных, лингвистических и экстралингвистических норм, деструктивно влияющими на профессиональное взаимодействие, из-за нежелания или неспособности специалиста заметить и разрешить проблемы⁷.

Для того чтобы избежать профессиональной коммуникативной деформации, необходимо выработать у сотрудников УИС своего рода языковой иммунитет, то есть способность индивида противостоять речевой деструктивности среды, сохраняя свою идентичность на основе духовно-нравственной целостности⁸. А для этого необходим высокий уровень не только коммуникативной, но и общей культуры.

Проблемы формирования общей культуры личности в контексте новой образовательной парадигмы при значительном влиянии политико-экономических, социально-культурных и научно-технических факторов актуализировали научно-методологическую потребность их исследования с целью совершенствования психолого-педагогического воспитания сотрудников УИС.

Во-первых, в качестве одного из принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования выступают гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, воспитания самоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования⁹.

Во-вторых, глобальная информатизация и открытость общества, проявляющиеся в развитии информационно-коммуникативной среды, массовой социальной и культурной (межкультурной) коммуникаций, позволяют сделать информацию любого вида доступной для каждого человека. В этих условиях появляются возможности для различных форм диалогического общения и свободного выбора любой формы самореализации в рамках конкретной культуры (религиозной, этнической и пр.). В этой связи усиливается актуальность применения в различных сферах деятельности и повседневной жизни каждого человека различных социальных, коммуникативных и других видов технологий.

В-третьих, реформирование УИС обуславливает необходимость выполнения личным составом своих должностных обязанностей в неразрывной связи с задачами, возложенными государством на Федеральную

⁴ Бодди Д., Пэйтон Р. Указ. соч. С. 412.

⁵ Привод. по: Татосьян М.М. Понятийно-терминологический тезаурус проблемы профессионально-коммуникативных деформаций // Молодой ученый. 2011. № 1. С. 235–237.

⁶ Дадаян Э.Г. Лингводидактический анализ качества владения иноязычной речью студентов продвинутого этапа обучения // Преподавание иностранных языков и культур: теоретические и прикладные аспекты: материалы Международного научно-методического симпозиума «Лемпертовские чтения — VI», 18–19 мая 2004 г. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2004. С. 79.

⁷ Дерябина Н.А. Повышение мотивации к освоению языковых компетенций студентами вуза // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 129. С. 226–231.

⁸ Никитина Т.В. Целевые ориентиры изучения курса «Русский язык и культура речи» курсантами вузов ФСИН России // Юридическое образование и наука. 2016. № 3. С. 68.

⁹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». М.: Проспект, 2013. С. 6.

службу исполнения наказаний России¹⁰. Постоянное, целенаправленное проведение воспитательной работы с личным составом способствует значительному росту эффективности всей служебной деятельности.

Все вышесказанное свидетельствует о важности рассмотрения проблем формирования не только профессиональных компетенций, но и таких личностных качеств, как гражданская зрелость, патриотизм, чувство ответственности, инициативность, лидерские качества, общая культура.

В настоящее время существует достаточно большое количество определений и множество разработанных в зарубежной и отечественной науке подходов к осмыслению культуры. К ним относятся:

— аксиологический (ценностный) подход, согласно которому культура выступает как совокупность материальных и духовных ценностей, образующих сложную иерархию идеалов и смыслов, значимых для конкретного общественного организма;

— деятельностный подход, где культура рассматривается как практически реализующийся процесс или «технология человеческой деятельности»;

— семиотический подход имеет символически коммуникационную природу, в которой культура является общественным образованием, а символы и знаки обеспечивают реализацию ценностей и ее смыслов;

— структуралистский подход рассматривает культуру как совокупность социальных элементов, «культурных образцов» — носителей ценностных отношений, регулирующих человеческую деятельность (браки, семья, обычаи, тексты, символы и т.п.), но без учета личного фактора;

— социологический подход трактует культуру как социальный общественный институт, определяющий роли и нормы поведения людей в обществе;

— гуманитарный подход акцентирует внимание на совершенствовании человека как духовно-нравственного субъекта культуры¹¹.

Таким образом, культура в современной трактовке представляет собой совокупность ценностей, норм, идеалов, характерных для социальной общности (этноса, нации, общества), зафиксированных и закрепленных в текстах, преданиях, обычаях, традициях и обеспечивающих смысл существования человека и общества, присвоенных и используемых человеком в процессе его активной жизнедеятельности и во взаимодействии с другими людьми¹².

Низкий уровень культуры общения, связанный с недостатком специальных знаний и несформированностью коммуникативных способностей, оказывает существенное влияние на деятельность, служебную карьеру и психическое состояние сотрудника ФСИН России, снижает степень удовлетворенности от профессиональной деятельности, не позволяет качественно выполнять служебные задачи¹³.

¹⁰ Никитина Т.В. Системно-деятельностный подход как методологическая основа современного высшего образования (на примере Пермского института ФСИН России) // Юридическое образование и наука. 2015. № 3. С. 12.

¹¹ Культурология: учебное пособие / под ред. проф. Г.В. Драча. М.: Альфа-М; Инфра-М, 2009. С. 90–95.

¹² Самохвалова И.Г. Социокультурная компетентность личности [Электронный ресурс] // Педагогическое образование в России. 2012. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-kompetentnost-lichnosti>.

¹³ Формирование коммуникативных способностей курсантов и слушателей вузов ФСИН России при изучении русско-

сотрудник может стать компетентным специалистом, умеющим системно мыслить и преодолевать риски, лишь синтезировав правовые знания со знанием законов общения и психологии человеческого поведения, что может быть достигнуто, на наш взгляд, путем овладения знаниями, умениями и навыками, необходимыми в самостоятельной профессиональной деятельности и в период обучения в стенах высшего учебного заведения.

Изучение не только дисциплины «Русский язык и культура речи», но и других общепрофессиональных и профессиональных дисциплин в аспекте формирования коммуникативной компетенции в рамках реализации основной образовательной программы, будет способствовать формированию личности курсанта ведомственного высшего учебного заведения, который сможет свободно ориентироваться в межличностных отношениях, приобретет социальную самостоятельность, станет мобильным и квалифицированным, умеющим принимать сложные служебно-производственные решения и эффективно обмениваться информацией в различных ситуациях общения в своей будущей профессиональной деятельности. Все это поможет ему в дальнейшем избежать профессиональной коммуникативной деформации.

Литература

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». М.: Проспект, 2013.
2. Бодди Д., Пэйтон Р. Основы менеджмента: пер. с англ.; под ред. Ю.Н. Каптуревского. СПб.: Изд-во «Питер», 1999. 816 с.
3. Дадаев Э.Г. Лингводидактический анализ качества владения иноязычной речью студентов продвинутого этапа обучения // Преподавание иностранных языков и культур: теоретические и прикладные аспекты: материалы международного научно-методического симпозиума «Лемпертовские чтения — VI», 18–19 мая 2004 г. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2004. 255 с.
4. Дерябина Н.А. Повышение мотивации к освоению языковых компетенций студентами вуза // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 129. С. 226–231.
5. Культурология: учебное пособие / под ред. проф. Г.В. Драча. М.: Альфа-М, 2003. 432 с.
6. Меньшакова Н.Н., Никитина Т.В. Речь сотрудников подразделений охраны и конвоирования (русско-английский словарь-разговорник): учебное пособие. Пермь: ФКОУ ВПО «Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний», 2012. 54 с.
7. Никитина Т.В. Системно-деятельностный подход как методологическая основа современного высшего образования (на примере Пермского института ФСИН России) // Юридическое образование и наука. 2015. № 3. С. 11–15.
8. Никитина Т.В. Целевые ориентиры изучения курса «Русский язык и культура речи» курсантами вузов ФСИН России // Юридическое образование и наука. 2016. № 3. С. 66–71.
9. Самохвалова И.Г. Социокультурная компетентность личности [Электронный ресурс] // Педагогическое образование в России. 2012. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-kompetentnost-lichnosti>.
10. Словарь по социальной педагогике: учебное пособие / сост. Л.В. Мардахаев. М.: Академия, 2002. 368 с.
11. Татосьян М.М. Понятийно-терминологический тезаурус проблемы профессионально-коммуникативных деформаций // Молодой ученый. 2011. № 1. С. 235–237.
12. Формирование коммуникативных способностей курсантов и слушателей вузов ФСИН России при изучении русского языка и культуры речи: монография / Н.А. Тюгаева, Н.П. Тюменева. Рязань: Академия ФСИН России, 2011. 125 с.

го языка и культуры речи: монография / Н.А. Тюгаева, Н.П. Тюменева. Рязань: Академия ФСИН России, 2011. 125 с.